

МЕРВ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ВОСТОКА II

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СВЯЗИ

Тезисы докладов

АШХАБАД • 1991

ТУРКМЕНИСТАН ССР ИЛМЛАР АКАДЕМИЯСИ
ГУНОРТА ТУРКМЕНИСТАН АРХЕОЛОГИК КОМПЛЕКСЛЕЙИНИ ЭКСПЕДИЦИЯСИ

МЕРВ ГУНДОГАРИНИ ГАЛЫМИ ВЕ ОРТА АСЫР ТАРХИНИДА II;
МЕДЕНИ АРАГАТНАШЫКЛАР ВЕ ОЗАРА БАГЛАНЫШЫКЛАР

Илми маслахатни докладларинин баяни

АШГАБАТ. ИЛМ. 1991

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ВЕННО-ТУРКМЕНИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

МЕРЫ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОКА II:

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СВЯЗИ

Тезисы

докладов научной конференции

АШХАБАД • ЫЛЫМ • 1991

ББК 63.3(0)3

М 52

Редакционная коллегия:

М.А.Аннанпесов - акад. АН ТССР. (отв. редактор)

В.М.Масон, Н.В.Атамедов, К.Курбансахатов

М 52 Мерв в древней и средневековой истории Востока II:
культурные взаимодействия и связи. Тезисы докладов научной
конференции. - А.: Илим. 1991. 68 с.

М $\frac{0503010000-054}{М 561 (14)- 91}$ - Заказное-91

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-8338-0478-7

© Южно-Туркменистанская
археологическая комплексная
экспедиция, АН ТССР, 1991

В.М.Массон
(Ленинград)

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1. Культурные взаимодействия как важнейший фактор исторического прогресса развивались в условиях различного уровня социально-политических связей и торгово-экономических контактов. Разнообразными были и формы взаимодействия или копирования до модификации и структурной интеграции как высшей формы культурного синтеза. Механизм взаимодействий также был весьма разнообразен, но здесь особую роль играли крупные культурные центры древности и средневековья. Этому способствовала значительная концентрация в них населения и интеллектуальной энергии (правда, не всегда коррелируемые друг с другом). Но особенно важное значение имел культурный потенциал, свойственный данным центрам. В благоприятной ситуации они являлись не только ретрансляторами взаимодействий и контейнерами мощного культурного заряда, но и импульсивным источником распространения и воздействий культурных моделей и эталонов. В таком случае все функции культурных взаимодействий от ретрансляционной до интеграционной действовали особенно результативно.

2. Ярким примером подобных процессов является древний и средневековый Мерв, по праву считающийся важным очагом восточных цивилизаций. Здесь отчетливо видно как формы и функции культурных взаимодействий развивались и менялись в ходе исторического развития. Во втором тысячелетии до н.э. в низовьях Мургаба происходило утверждение оседлоземледельческой экономики, основанной на ирригационном земледелии, закладывались основы культурного подъема. Помимо тесных культурных связей в рамках юга Средней Азии, Афганистана и Северного Белуджистана, обусловленных как особенностями происхождения культурных комплексов, так и распространением определенных эталонов элитарной субкультуры, здесь известную роль играли и культурные традиции, восходящие в первую очередь к эламо-месопотамской культурной среде.

3. На основе накопленного экономического и культурного потенциала в первой половине I тыс. до н.э. в бассейне Мургаба, древней Маргиана, активно идут процессы урбанизации. Их важным результатом стало образование крупного городского центра на территории Гяур-калы, древнего Мерва. По имеющимся материалам, представленным главным образом сырцово-глиняной архитектурой и глиняной посудой, развитие материальной культуры Мерва в этот период протекает в рамках эталонов, характерных для среднеазиатского региона. Политическая ситуация, определяемая вхождением в состав государства Ахеменидов, способствовала развитию международной торговли и включению Мерва в ближневосточную культурную макросистему.

4. Второй период, приходящийся на III в. до н.э. - VI в. н.э., характеризуется стремительным становлением Мерва как крупнейшего культурного центра Востока. Политическая ситуация эллинистического мира в высшей мере благоприятствовала взаимообогащению разных традиций, формированию новых культурных эталонов и стандартов. С позднепарфянского времени утверждается ориентализированная модель культурного развития с соответствующими стереотипами и моделями от художественных традиций до памятников письменности. Механизм экономических взаимодействий на международных торговых трассах, объединяемых понятием Великий шелковый путь, резко расширил границы и возможности культурных связей и контактов. В этом периоде представлены почти все формы культурных взаимодействий. Налицо и сосуществование различных культурных традиций, что, в частности, видно по памятникам буддизма или пальмирским стеллам. В раннепарфянский период представлено и подражание и копирование эллинистических образцов. Но определяющим был процесс структурной интеграции различных инноваций и веяний. МERV все более становится центром импульсивного культурного развития, воздействия маргианских стандартов отмечается, например, в соседней Бактрии. Важной проблемой является рассмотрение Мерва как одного из центров кушано-сасанидских культурных взаимодействий.

5. Эти тенденции получили энергичное развитие в следующий, средневековый, период, приходящийся в основном на VII-XII века. Перерывом постепенности была катастрофа монгольского завоевания. Определяющей внешней чертой культурного развития в этот период стало вхождение Мерва в мусульманскую суперсистему. Политическая

ситуация меняющихся династийных доминант в принципе не замедляла культурный прогресс, а такие политические структуры, как государства Сельджуков и хорезмшахов, ему в немалой степени способствовали. Устойчивая система торговых связей, обеспеченная инфраструктурой оборудованных караван-сараяв и сардоб на караванных путях, также способствовала интенсификации культурных взаимодействий. В рамках суперрегиональных научных, культурных и идеологических стандартов Мерв, как крупнейший культурный центр, создавал локальные традиции, хорошо заметные, например, по архитектурной школе и художественной штампованной посуде. Эта картина была размыта последствиями монгольского нашествия. По существу прервались традиции научного и литературного творчества, естественные центры которых в виде библиотек были разорены. Правда, усилилась линия связей с дальневосточной культурной традицией, что проявилось в архитектуре, а в XV в. и в художественном творчестве, в той мере, в какой оно известно по поливной керамике.

А.Д.Х.Бивар
(Лондон)

ЗЕМЛЯ КАНАРАНГ: МЕРВ МЕЖДУ КУШАНАМИ И САСАНИДАМИ

Титул "kanarang" ("сторож границы") был особым наименованием правителей Мерва в течение всего сасанидского периода. Действительно, из двух слов для обозначения "границы", используемых обычно в ново-персидском, "marx" и "kīnag", именно второе, относящееся к термину "kanarang", часто применяется по отношению к хорасанской границе. Даже в последние десятилетия дорога вдоль северо-восточной границы Ирана обычно называлась "rah-i kīnag".

Происхождение и история титула правителя проливает свет также и на историю Мерва в интересный критический период между упадком парфянской власти в этом регионе и возникновением устойчивого управления при сасанидах. Третью политическую силу, кушанскую империю Средней Азии и Индии, также надо учитывать. В знаменитой надписи Ноконзско из кушанского храма в Сурх-Котале (Баулан) слово "karallango" иногда используется для определения некоторых высоких чиновников кушанского режима. Как показал В.Б.Хеннинг, это характерный термин бактрийского языка, от "karan "

("граница") и "dang" (=корень "держать"), обозначающий "смотритель границы". "Kagal" - это родственная форма с чередованием гласной персидскому "kigan".

Есть определенные основания считать, что после ослабления парфянской власти в Мерве во время последних дней государства Аршакидов кушаны могли оккупировать Мерв. Это событие могло спровоцировать восточную кампанию Ардашира, о которой рассказывает Табары. Позже во время царствования Бахрама II, старший сын царя Ормазд занимал должность кушаншаха ("князь-управитель кушанского района"). В конце концов, Ормазд восстал против шаха Ирана и, собирая силы кушанской провинции, двинулся на запад в Иран, оккупировав Мерв и Герат, как ясно по его монетам. Вероятно, в этот период кушанское обозначение утвердилось в Мерве. В работе анализируются источники по периоду Ормазда Кушаншаха и более поздние употребления титула "kakarang" в сасанидских источниках.

Г.А.Пугаченкова
(Ташкент)

МЕРВ ЭПОХИ СЕЛЬДЖУКИДОВ КАК ЦЕНТР ВОСТОЧНОХОРАСАНСКОЙ ШКОЛЫ ЗОДЧЕСТВА

Архитектура Мерва проходит долгий путь свершений и изменений. Основные этапы ее эволюции вплоть до начала XIII в. совпадают с этапами социально-политической истории и могут быть соответственно поименованы: древнемаргианский, ахеменидский, парфянский, халифатский, сельджукидский.

Архитектура сельджукидского времени (XI-XII вв.), восприняв достижения предшествующего этапа, ознаменована подъемом на новую ступень эволюции. При этом Мерв остается главным созидющим центром всего восточнохорасанского региона - от Саракса до Амуля (Чарджоу), в то время как в западнохорасанской зоне таковым является Нишапур.

Уже в IX-X вв. протекает процесс существенного изменения топографии Мерва. Былой шахристан - Гяур-кала - покинут, хотя в нем и функционирует заложенная арабами первая мечеть, новые градостроительные возмужают к западу, окончательное же их форми-

рование приходится уже на сельджукидское время. Новый шахристан — Султан-кала — квадратного плана охвачен стенами со рвом, в них четверо городских ворот, от которых тянутся пересекающие город главные магистрали. Внутри — новая цитадель Шахрияр-арк (а не Эрк-кала, как ранее), вокруг рабды, в свою очередь обнесенные стенами, которые разрастаются в основном к югу и северу от шахристана. Границы обширной округи города по-прежнему определяет древняя стена Гилякин-Чильбурдж. На протяжении

XI—XII вв. ведется интенсивная застройка всех городских отделов.

Высокие достижения архитектуры сельджукидского времени запечатлены в совершенствовании строительной техники, декора, выработке архитектурных композиций и архитектурной типологии и, в конечном счете, становлении нового архитектурного стиля. В кратком перечне инноваций следует выделить:

В монументальной архитектуре на смену сырцу (хотя применялся и он) приходит и господствует жженый кирпич. Высокого совершенства достигают водоустойчивые растворы (в фундаментах, мостах, водохранилищах). В кирпичных кладках уже не глиняный, но ганчевый раствор.

В области строительной техники — создание мощных фундаментов, совершенствование прежних и появление новых видов сводчато-купольных конструкций.

В архитектурном декоре — расширение типов фигурных кирпичных кладок в бордюрах, фризах, целых станных панно, на вогнутых сводчатых поверхностях. Появление глазурованных кирпичей — вставками и сплошными наборами. В ганче — многослойная резьба при разнообразии орнаментальных мотивов и росписи по ганчевой штукатурке. Всемерное обогащение разновидностей орнамента — геометрического, стилизованно-растительного, эпиграфического.

Памятники сельджукской архитектуры восточнорасанского зодчества, являя образцы сооружений разного рода, овидетельствуют о выработанной типологии. Среди зданий ислама — мечети (например, в Данданакане, Кушмейхане), мавзолей — центральнокупольные (Мухаммеда ибн Зейда и Султана Санджара в Мерве) и портално-купольные (Худай Назар Овлия в округе Мерва, Серахс-баба в Серахсе); из сооружений гражданского зодчества — дворцы (в Шахрияр арке Мерва), жилые дома (Мерв и его округа), караван-сарай (Оде-Мергенъ и Акча-кала на пути из Мерва в Амудь).

Типология зданий мервского оазиса времени Сельджукидов отлична от таковой в архитектуре сопредельных с Хорасаном областей — Мавераннахра, Хорезма, Азербайджана, но принадлежит к стилистически единой Хорасанской школе средневекового зодчества.

М. Аннандесов
(Ашхабад)

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ XIX в.

О ТУРКМЕНАХ МЕРВА

Из числа европейских путешественников, оставивших ценные описания Мерва XIX в., можно назвать англичан А. Борнса (1832), Конноли (1840), О'Донована (1882—1883), французов Гулибефа де Блоквилля (1861—1862), барона Бенуа-Мешэн (1883), венгра А. Вамбери (1863) и др. Очень подробные описания оазиса дают русские офицеры П. М. Лессар, Алиханов-Аварский (70—80-е годы XIX в.), И. Ибрагимов (1873) и др.

Многие из них пишут о Кошут-хане, его основных качествах и заслугах. По их сведениям, он родился в 1823 г. и умер в 1878 г., похоронен на кладбище Ходжа-Абдулла в 9 верстах на северо-восток от крепости Кошут-хан-кала.

По-видимому, в начале XIX в. Ходжа Абдулла был населенным пунктом. А. Борнс в 1832 г. остановился на ночлег именно там, называет его термином "оба", недалеко от местечка Ганджикув-лан, где туркмены-сарыки брали с него пошлину за проезд и одновременно предлагали целые мешки дынь за щепотку табака. Они рассказывали ему о подвигах Байрам-хана (речь идет о Байрам-Али-хане), героически защищавшего крепость небольшим отрядом из 700 человек от бухарского эмира Шах Мурада, который в 1785 г. разрушил плотину Султан-бент. Таким путем Шах Мурад победил Байрам-хана, насильно выселил жителей Мерва в Бухару.

После разрушения Султан-бента оазис приходит в упадок, поливное земледелие сократилось, укрепления и каналы оказались брошенными. "С развалин мервского замка, — писал А. Борнс, — путешественник и теперь еще может видеть остатки прежней населенности на расстоянии тридцати миль в окружности, где повсюду стоят опустошенные села и распадающиеся стены. Там теперь обрабатываются

поля только по берегам Мургаба, где туркмены возделывают прекрасную пшеницу, джугару и превосходные дыни". Такую картину А. Борнс мог наблюдать через 40 лет после разрушения Султан-бента, когда его караван переправился через Мургаб 29 августа 1832 г. в местечке Алаша. Он отмечает, что невозделанные земли превратились в тучные пастбища для многочисленных стад баранов и верблюдов.

Гулибеф де Блоквилль в 1861 г. попал в плен к текинцам Мерва и 14 месяцев находился среди них, пока его не выкупили через Тегеран. Он подробно описывает быт и нравы туркмен, дает некоторые сведения о Кошут-хане, о своем хозяине из аула Конгур, у кого жил в качестве невольника.

А. Вамбери приводит цифровые данные о туркменах вообще. По его данным, всего туркмен - 196 500 кибиток или 982 500 человек, из них теке - 60 тыс. кибиток, эрсары - 50, йомуды - 40, човдур - 12, гоклены - 12, сарыки - 10 тыс. салоры - 8 тыс. кибиток. Конечно, эти данные далеко не точные и не охватывают всех туркмен. Однако очень интересны его наблюдения об обычаях и нравах туркмен, что он обозначает термином "деб" (от арабского "эдеб"). По словам А. Вамбери, "деб" у туркмен является незримым, но древним и могучим владыкой, который правит им больше, чем религия (шариат). Действительно, свод неписанных законов (адат) у туркмен вплоть до 30-х годов XX в. был доминирующим фактором в их общественной жизни и мало чем уступал мусульманскому законодательству. Кроме того, А. Вамбери верно отмечает, что все туркмены поголовно, даже четырехлетние дитята хорошо знают свою родословную и с гордостью назовут вам все подробности родо-племенного деления и всех своих предков до седьмого колена. Он пишет, что жилище бедных и богатых различаются между собой только внутренним убранством, а так все живут и в белых и в черных палатках и в саклях из сырца.

Барон Бенуа-Мешэн гостил у Кара-Кули-хана - предводителя рода бек. До 1881 г. этот пост занимал сын Кошут-хана Баба-хан, а после того, как он ослеп, ханом становится Кара-Кули-хан - племянник Кошут-хана. Бенуа-Мешэн подробно описывает базар Хан-гечен и строительство трех стен Кошут-хан-гала. Четвертую стену оставили сарыкам, но те не явились. Строительство крепости началось сразу после завоевания Россией Хивинского ханства в 1873 г. Бенуа-Мешэн высмеивает проделки авантюриста О'Донована, которого в Мерве никто всерьез не принимал.

П.М.Лессар характеризует мервских ханов после Кошут-хана. По его словам, сильными являются Кара-Кули-хан и Сары-батыр (хан рода бахши), слабыми - Майли-хан (внук Ораза ягли) и Юсуп-хан (сын Гюльджамал ханши). По его словам, текинцы Мерва постепенно пришли к выводу о том, что "с русскими не так плохо жить".

Алиханов-Аварский подробно описывает Кошут-бентскую плотину, два магистральных канала Отамышьяб и Тохтамышьяб, их десятки и сотни ответвлений, которые служили родовыми каналами и аульными оросителями, по берегам которых насчитывалось 32 400 кибиток текинцев, из чего автор выводит цифру 200 тыс. человек жителей. Он дает описание аулов, быта жителей, разных инфекционных болезней (трахома, корь, оспа, холера и т.д.), родового деления текинцев Мерва, возделываемых культур, их урожайность, массы профессий - изготовителей конских уборов, серебряных украшений, сапожников, кузнецов, медников, шапочников, оружейников, гончаров, кожевников, мыловаров и т.д., пишет о специализации среди них, так сидельники - все из рода язы, кибиточные мастера - ишки, плати выделывают только бурказы, деревянную посуду и сита - яры-геокча и т.д.

Сведения европейских путешественников, за некоторым исключением, составляют важнейшую источниковую базу при изучении истории и быта туркмен прошлых столетий.

К.Курбансахатов
(Ашхабад)

ДРЕВНИЙ МЕРВ: ЭТАПЫ ПОЗНАНИЯ

Старомервское городище привлекало внимание исследователей еще с прошлого столетия. На сегодняшний день можно говорить о четырех последовательных этапах в истории изучения городища Старый Мерв.

I этап. В конце XIX - начале XX столетия благодаря исследованиям ориенталистов В.А.Жуковского и В.В.Бартольда, которыми составлен свод письменных источников, достаточно подробно изучена историческая топография городищ периода раннего и развитого средневековья. Из исследований зарубежных авторов начала века следует упомянуть Г.Ла Стренжа, работы которого также базируются на трудах средневековых авторов. Первые археологические раскопки в Мерве были проведены в 1894 г. В.А.Жуковским. В конце XIX века

генерал А.В.Комаров проводил большие сборы археологического материала с поверхности городищ.

II этап. В 1904 г. на территории Мерва вела раскопки американская экспедиция под руководством Р.Пампалли. Новые данные археологического порядка к истории городища были получены экспедицией А.А.Марушченко и Б.Б.Пиотровского в 1937 г. Результаты этих работ опубликованы в краткой заметке Б.Б.Пиотровского в ИТАКЭ (I вып., 1949 г.). В целом, вышеупомянутые раскопки носили характер разведывательных работ.

III этап. С этим этапом связаны планомерные исследования Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР. До 1947 г. все осуществленные раскопки на городищах Древнего Мерва были незначительными и носили рекогносцировочный характер. Воссоздание общей картины сложения и развития города Мерва можно было решить лишь на основе широкого изучения большими силами археологов. Эти проблемы были поставлены и частично решены образованной в 1946 г. ЮТАКЭ АН ТССР под общим руководством академика М.Е.Массона. 50-60-е годы явились годами широкомасштабных раскопок и комплексного изучения Мерва XVIII отрядом ЮТАКЭ. Велика здесь роль сотрудников и выпускников кафедры археологии САГУ: С.Б.Луниной, М.И.Филанович, Г.Л.Дресвянской, Э.И.Усмановой, Э.В.Ртвеладзе, О.В.Обельченко и многих других. Огромный вклад в изучение архитектурных ансамблей Мерва сделан академиком Г.А.Пугаченковой. В 1954-56 гг. ашхабадским археологом С.А.Ериновым производились раскопки байрам-алийского некрополя.

IV этап. На современном этапе продолжается изучение городищ Древнего Мерва сотрудниками ЮТАКЭ АН ТССР: на Султан-Кале - Т.Ходжаниязов, на Эрк-кале - Э.И.Усманова, на Гяур-кале - С.Д.Логинев, на Байрам-Али-хан-кале и Абдулла-хан-кале - А.Бердыев. Развивается тесное сотрудничество ЮТАКЭ с историко-археологическим заповедником "Старый Мерв". В последние годы активизировалось изучение округа Мерва совместной экспедицией Ашхабадского, Московского университетов и ИА АН СССР. Ежегодно работает Маргианская экспедиция Института археологии АН СССР (Москва) под руководством д.и.н. В.И.Сарианиди.

С подготовкой и проведением юбилея 2500-летия Мерва археологи связывают перспективы дальнейшего изучения и благоустройства уникального памятника древности: комплексные исследования, активиза-

ция всех работ, начало совместного сотрудничества с зарубежными специалистами, проведение международных симпозиумов и т.п.

Х. Крауфорд
(Лондон)

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

в III тыс. до н.э. и

РАННЕГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ТУРКМЕНИИ

Древняя Месопотамия, Иран и Туркмения были связаны множеством путей, по которым перевозили сырье, изделия и, что может быть наиболее важно, передавались идеи и информация. Благодаря характеру перевозимых изделий, некоторые из этих путей нам известны лучше других.

Хорошо известно, что существовала сеть важных дорог, которая позже преобразуется в знаменитый Шелковый путь. По этим дорогам лазурит и сердолик переправлялись на запад через такие поселения, как Тепе-Гиссар. Сейчас становится ясно, что, видимо, тем же путем переправлялось и олово из богатых месторождений, недавно идентифицированных в Западном Афганистане. Предметы, переправляемые другими путями, легко определяются. Второй путь, который прослеживается несколько южнее соляных пустынь Ирана, связывал Джнуб Месопотамию через Шахдад, Яхья и Бампур с Шахри-Сохте и Туркменией. Сосуды из мягких пород камня и мраморовидного известняка с прожилками, возможно, доставлялись этим путем и замыкают кольцо связей с районом Персидского залива и страной Мелухха.

Доказательства контактов между крайними точками этой торговой цепочки очень слабы. Тем не менее для предположений о таких контактах основания имеются. Нет нужды считать эти связи прямыми. Гораздо вероятнее предположить пересечение сферы влияния разных центров. Каждая сфера, будучи по своим культурным особенностям отличной от других, частично перекрывается соседними. Такие перекрывающиеся территории определяются очень приблизительно. Нашей задачей является их возможно точное определение в качестве важного предварительного условия при любых попытках интерпретаций.

БАССЕЙН МУРГАБА В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

1. В отличие от предгорной равнины Копетдага культура бронзового века долины Мургаба протекала в условиях равнинной местности и имеет свои специфические черты. Келлелинский оазис, занимающий северную часть территории и функционировавший в период развитой бронзы Намазга V, по облику материальной культуры не имеет значительных различий от культуры прикопетдагской равнины. Население восьми поселений занималось здесь земледелием и разведением домашнего скота. Подобно ремесленникам-гончарам этого периода они изготовляли отличную звонкую и высококачественную гончарную посуду, обожженную в сложных двухъярусной конструкции печах. В металлургии применяли различные сплавы, позволявшие изготовлять различные по своему применению предметы. Это предметы домашнего быта, орудия труда и вооружение, перегородчатые печати. Судя по многочисленным находкам женских терракотовых статуэток населения Келлели отдавало свои предпочтения культу земледелия и плодородия. Эти фигурки за небольшим изменением изготовлялись в традиционном плоском стиле, характерном для терракотовой пластики подгорной полосы Копетдага, в частности, раннегородского центра Алтын-депе.

Условия жизни на равнине и соседство с кочевыми племенами, видимо, стали основной причиной строительства местным населением крепостей подквадратной планировки, оформленных снаружи прямоугольными башнями, есть поселения и без крепости. В одном из них имеется крупный жилой дом одного семейного рода, подразделенный внутри на несколько малосемейных ячеек. Заметной заслугой келлелинцев можно считать внедрение в строительство нового канона - квадратной планировки, до того неизвестной в Средней Азии. Наличие функциональных особенностей памятников и строительство крупных жилых домов на Келлели свидетельствуют о социальной дифференциации населения.

2. Повсеместное обживание всей территории долины Мургаба падает на период поздней бронзы Намазга VI. Этот период отличается самым высоким уровнем развития местного населения и интенсивным развитием межрегиональных связей. Появляется ряд крупных поселений, являющихся своеобразными центрами отдельных оазисов. Гонур-депе

достигает максимального размера в 28 га и становится главным центром всей территории. В земледелии все более внедряются ирригационные сооружения, а ремесленные производства достигают своего пика, особенно в камышарном деле. Строятся города и монументальные строения. Например, в центре Гонур-даде находится своеобразный "кремль" с мощными стенами, а на отдельном всхолмлении к югу от него находится крепостное сооружение. В северной и северо-западной части городища расположены кварталы ремесленников-гончаров. Все это — наглядное свидетельство развития городских центров со сложной внутренней инфраструктурой.

Соответственно этому находились и различные ремесла и домашние промыслы. Земледелие практически полностью находилось в зависимости от ирригации. Строились значительные каналы, которые четко отличаются на аэрофотоснимках древнемургабской дельты.

Высокому уровню отвечали и различные ремесла. Здесь особенно чутко проглядываются инновации в местной глиптике, когда наряду с медно-бронзовыми печатями широкое распространение получают каменные печати-амулеты с двухсторонним изображением, нередко имеющие мифологическую основу. Наряду с ними встречаются редкие экземпляры цилиндрических печатей и их оттиски на керамике, Несколько новых форм посуды дополняют традиционный ассортимент местной керамики эпохи бронзы.

Высокий уровень развития получило металлообрабатывающее ремесло. Появляются новые изделия: орудия труда и вооружение, изготавливаются много различной формы домашней посуды, а также косметических флакончиков. Из украшений особенно распространены зеркала, проколки, бусы. Каменные изделия разнообразны и здесь следует отметить умелое использование мраморовидных пород камня, известняка, а также широкое распространение стеатита, из которого изготавливались культовые сосуды в форме почек.

Во всем этом наглядно прослеживаются интенсивные межрегиональные связи прежде всего с соседней Бактрией и другими областями древневосточной ойкумены, включая Элам и Месопотамию. Подобные процессы в значительной мере, вероятно, затронули религиозные представления маргианцев. И хотя сохраняют свое значение женские терракотовые статуэтки, на первое место здесь выходит печати-амулеты с разнообразными сюжетами на тему добра и зла, связанные с верой в тотемы. Можно определенно предполагать наличие храмов и культовых сооружений у населения этого времени.

3. Еще на достигшие конкретного осмысления, религиозные представления древних маргианцев в пору финальной фазы бронзового века (конец Намазга VI) характеризуются определенным воплощением и имеют направление, которое В.И.Сарнианиди рассматривает как зачатки первой мировой религии — зороастризма, ставшей впоследствии государственной религией персидской державы Ахеменидов. Раскопки крупного храма поквадратной планировке на поселении Тоголок-2I послужило основанием этому предположению. И хотя здесь без труда можно разглядеть приемы архитектурного строительства Келлелинского оазиса, храм Тоголок 2I является неким воплощением квадратного сооружения, достигнутого совершенства. Причем внутри гигантского квадрата было выстроено еще одно сооружение такой же формы с крепостью в центральной части. За этими стенами находятся многочисленные строения, обводные коридоры и узкие проулки. Собственно само строение для ритуальных возлияний здесь было сооружено за внешним обводным коридором и было связано с ним специальным коридором. По мнению автора раскопок В.И.Сарнианиди в больших чанах здесь находились ветки трав, из которых приготавливали опьяняющие или алколоидные вещества, которые прямо соответствуют надписям в священной книге "Авесте", где сообщается о процесса приготовления таких напитков.

Открытие храма на Тоголок 2I позволяет сделать решающий шаг к познанию о прародине зороастрийской религии. Во всяком случае, древнемаргианцы могли исповедовать близкую к зороастризму религию или обладать таким мировоззрением, которое могло послужить основой первой мировой религии.

Б.Н.Удемурадov
(Ашхабад)

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ТУРКМЕНИСТАНА И ИРАНА В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

I. В конце III и первой половине II тыс. до н.э. на территориях Южного Туркменистана и Ирана был представлен широкий пласт локальных типов культур, главным образом, оседлоземледельческого типа. Различные генеалогии и ареалы нашли свое отражение в облике этих культур, определяемым по археологическим комплексам.

2. С этой точки зрения в пределах Туркменистана достаточно четко выделяются три относительно развитых типа культур: Алтыновская или Намазгинская – в предгорьях Копетдага, Маргианская – в долине Мургаба и Сумбарская – в Юго-Западном Копетдаге. Что же касается Ирана, то для этого региона условно можно выделить также, по крайней мере, три типа культур: Шахри-Сохте, Шахдат и Шахтепе (Туренг).

3. Самое поверхностное визуальное или морфологическое сравнение этих культурных комплексов по различным категориям археологического материала позволяет очертить определенный круг связей, проявляющийся как в виде отдельных параллелей, так и в виде абсолютного тождества. Например, керамика, некоторые виды металлических изделий, печати и отдельные традиции погребального обряда Маргианы и Шахдата, а также Шахтепе и Сумбара почти полностью совпадают, что при сравнении культур Алтына и Шахри-Сохте заметно в меньшей степени. В связи с этим возникает естественный вопрос о характере и механизме этих связей, степени интенсивности, времени первоначального возникновения и что не менее важно – их импульсах.

4. Внутри всех вышеназванных культур имеются элементы сходства, встречающиеся практически повсеместно (общность хозяйственного уклада, развитие ремесел, некоторые категории находок и пр.). В большей степени механизм этих совпадений следует объяснять за счет процессов культурной интеграции и эпохальности этих проявлений. С другой стороны, наличие цилиндрических печатей в материалах Маргианы, Шахдата и Шахри-Сохте свидетельствует о диффузии культурных влияний Месопотамии, достигавших предгорий Копетдага. Правда, на территории Ирана это воздействие, надо полагать, оказывалось более интенсивно, что и естественно, если учитывать географические аспекты. Видимо, не менее существенны и культурно-генетические корни, связывавшие в эпоху бронзы древние общины Маргианы-Алтына, с одной стороны, и Шахдата, с другой, равно как и Сумбара с Шахтепе. Следует предполагать, что связи Ирана и Туркменистана в эпоху бронзы носили достаточно динамичный характер и были далеко не односторонними. При этом сфера этих контактов, как свидетельствуют данные археологии, выходила далеко за рамки обычного обмена.

5. Учитывая многообразие культурных процессов, нельзя, как это делалось ранее; объяснить наличие связей только за счет

торгово-обменной или же миграционной деятельности древнеземледельческих общин Ирана и Южного Туркменистана. Упрощенный подход не дает возможности для объективной реконструкции такого сложного процесса, как связи, в широком понимании этого явления.

Л.Б.Кирчо
(Ленинград)

ЦИЛИНДРИЧЕСКИЕ ПЕЧАТИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И МЕРГАРА - НОВАЯ ШКОЛА ГЛИПТИКИ?

1. В восьмидесятые и девяностые годы XX века в Средней Азии, Афганистане и Пакистане выявлены и исследованы совершенно новые памятники и целые оазисы культур эпохи бронзы. Материалы их, сравнительно недавно введенные в научный оборот, позволили поставить вопрос о выделении своеобразного "протобактрийского" культурного региона (В.М.Массон).

2. На ряде поселений этого региона (Сибри, Таип I, Джаркутан, Саразм) найдены каменные цилиндрические печати и их оттиски. Такие печати, являясь важнейшими показателями межрегионального культурного обмена, обычно рассматриваются как прямые импорты из Месопотамии - родины цилиндрических печатей, или из ближайших к ней регионов. Цилиндрические печати Средней Азии и Пакистана найдены, к сожалению, в открытых комплексах, в мусорных слоях или на поверхности поселений и большинство из них повреждено. Представлено два типа печатей: с выделенной в верхней части ручкой и без нее; в одном случае (Джаркутан) печать имела в верхней части просверленное отверстие, видимо, для подвешивания. Изображения на печатях вырезаны, а не высверлены, на камне мягких пород - хлорите, известняке, алебастре и т.п.

3. Мотивы изображений на печатях разнообразны: животные - бык, корова (?), животное типа лошади, кулана (?), собака, козел, птицы, змея, растения, люди, крестовидные, подтреугольные и в виде углов мотивы, солярные (круглые), лунарный (серп) и полукруглые мотивы, изображения фантастических животных - двугорбое или скорее двукрылое копытное животное, крылатая змея (дракон?). Все эти мотивы, за исключением фантастических, широко распрост-

ранены в прикладном искусстве более ранних древнеземледельческих культур эпохи энеолита и ранней бронзы Средней Азии, а в период средней и поздней бронзы представлены многочисленные печати-штампы из камня, терракоты и бронзы, мотивы изображений на которых иконографически и стилистически совпадают с изображениями на цилиндрических печатях (В.И.Сарианиди, П.Амье). Сугубо местным является изображение, кстати наиболее распространенное, быка зебу - породы, характерной в древности только для среднеазиатского и индо-пакистанского регионов.

4. Сюжеты изображений сравнительно просты и широко представлены в иконографии Древнего Востока: борьба хищника с травоядным, борьба человека и собаки с хищником, процессия "танцующих" людей, два козла-архара у "дерева" в сочетании с солярным и лунным мотивами и сложные сцены с участием фантастических животных, людей, птиц и т.д. Сравнительная простота сюжетов и некоторая примитивность изображений позволили П.Амье определить эти печати как архаизированные и сблизить их с протоэламскими оттисками конца IV - нач. III тыс. до н.э. из Южного Ирана. С другой стороны, некоторые стилистические особенности оттиска печати с поселения Таип I - угловидное разделение поля, покрытого изображениями, на два яруса и стилистика рисунка сцены борьбы льва (?) с быком идентичны оттиску печати начала II тыс. из Сирии (Телль Брак). Парадоксально, что на оттиске печати из Таип I лев - животное, совершенно неизвестное в среднеазиатско-белуджистанском регионе, борется с быком-зебу, столь же чуждым Сирии и Месопотамии.

5. Таким образом, можно предполагать, что в конце III - начале II тыс. до н.э. в культурных комплексах конца средней - начала поздней бронзы среднеазиатско-белуджистанского региона под влиянием месопотамо-эламского мира складывается своеобразная школа глиптики, заимствовавшая саму форму цилиндрической печати, возможно использовавшейся как амулет, но с локальными традициями и сюжетами изображений, присущими этому "протобактрийскому" региону.

ЯЗОВСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ
(Сравнительный анализ локальных культур)

1. Для конца II – начала I тыс. до н.э. на юге Туркменистана, Узбекистана, северо-востока Ирана и севера Афганистана в земледельческих областях фиксируются однотипные археологические культуры, совокупность которых можно определить как Язовскую культурную общность, по названию памятника, давшего первый, относительно полный, эталонный комплекс находок.

2. При попытках выявить специфические черты, характерные для всей этой общности, в условиях ограниченности имеющейся в нашем распоряжении информации надежно можно опираться лишь на два признака: устойчивое следование традиции изготовления лепной керамики с примесью шамота (при одновременном знакомстве с гончарным кругом) и орнаментация части изделий этой группы монохромной росписью геометрического характера.

3. При попытках выявить специфические черты отдельных локальных культур устанавливается практическая непригодность для этих целей археологических признаков, характеризующих строительную технику, средства производства и вооружение. В жизненно важных сферах новые изобретения, приспособления и технологии распространялись чрезвычайно быстро, ибо от их усвоения зависела жизнеспособность обществ.

4. Этнокультурная специфика отдельных областей прослеживается преимущественно в керамике. Она проявляется в существовании самобытных керамических форм и фактурных групп, различном соотношении этих групп, а также во второстепенных деталях, относящихся к декоративному оформлению керамических изделий.

5. В качестве иллюстрации приведем обобщенную характеристику четырех наиболее полно изученных культур, входящих в Язовскую общность: Этекской (восточная часть подгорной равнины Копетдага), Нижнемургабской (собственно Язовской), Древнебактрийской (Северный Афганистан), Чустской (Ферганская долина).

Этекская культура. Ее локальная специфика проявляется:

а) В существовании оригинальной группы шамотной ангобированной керамики (ангоб черный, красный, зеленый).

б) Относительной многочисленности круговых изделий (более 30%).

в) В незначительном количестве круговой черноглиняной керамики, вероятно, являющейся импортом из соседних областей.

г) В оригинальном наборе орнаментальных мотивов расписной керамики. Это почти исключительно фризы из равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вверх и заполненных сетчатой штриховкой. Фризы всегда располагаются в верхней части сосудов (на плечике и горле). Расписывались преимущественно небольшие столовые горшочки, изредка тарные изделия, расписные чаши неизвестны.

д) Среди круговой керамики ведущими формами являются корчаги и тюльпановидные кубки. Для большинства характерен не цилиндрический, а биконический силуэт, ребро подкоса сглажено.

е) Часть круговых чашевидных изделий с внутренней стороны покрыта густым красным ангобом.

ж) В существовании ряда оригинальных форм: кувшиновидные изделия, биконические (катушкообразные) подставки, воронки, цапки.

Нижнемургабская культура. Географически она занимает среднее положение между Этакской и Древнебактрийской, поэтому ее специфика иногда выражается в сочетании черт, присущих этим культурам по отдельности. В отличие от Этека в Нижнемургабском оазисе отсутствуют ангобированная лепная керамика, круговая черноглиняная керамика, красный ангоб на круговой керамике, ряд специфических форм. Здесь ниже процент круговой керамики, распись обычна не только для столовых горшочков, но и для крупных тарных сосудов. В отличие от Этека здесь распространена чернолощенная лепная керамика, биконические керамические ядра для прачи, гребенчатые ручки корчаг, светлое покрытие внешней поверхности круговых изделий.

Древнебактрийская культура. Основные ее особенности: разнообразие орнаментальных мотивов (фризы из треугольников образуют здесь небольшую группу) и менее жесткая связь расписи с определенными формами (здесь широко расписывались чаши и даже кружки). Как на нижнем Мургабе здесь распространена чернолощенная керамика, гребенчатые ручки, существуют оригинальные формы (салатницы, очажные подставки и др.).

Чустская культура. Характеризуется полным отсутствием круговой керамики. Роспись выполнена не по светлому, как во всех других областях, а по красному фону. Мотивы росписи разнообразны, она носит более свободный характер, меняется сама ее структура, роспись зачастую образует не фриз, а оплошь покрывает внешнюю поверхность сосуда.

6. Локальные культуры раннего железного века фиксируют очаги формирования древнейших известных народностей Средней Азии. В частности, создателей Нижнемургабской культуры можно рассматривать как древнейших представителей маргианской народности.

Дж. Картио
(Лондон)

АМУДАРЬИНСКИЙ КЛАД: ОТКРЫТИЕ И ДАТИРОВКА

Недавно считалось, что амударьинский клад не является гомогенной группой материала и, следовательно, он должен быть вычеркнут из археологической летописи. Настоящая работа посвящена повторному исследованию всех обстоятельств, связанных с открытием клада; особое внимание уделено выяснению "темных пятен". Ситуация в Тахт-и-Кивад исследована детально. Некоторые предметы, связываемые с кладом, сейчас идентифицируются как дополнения, изготовленные, возможно, в Равалпинди, но, можно заключить, что основная часть клада, определенно, является гомогенной группой и что большинство предметов было найдено вместе. Это доказывает, что амударьинский клад - это хранилище денег. Его содержимое, состоящее, частично, из коллекции золотых и серебряных предметов, некоторые из них полманные, и, частично, из большого количества монет, согласуется с его идентификацией, как сокровища. Он сопоставим с современными ему сокровищами из Ирана и Средней Азии. Наконец, это подтверждает, что амударьинский клад был спрятан около конца III в. до н.э.

СЕЛЕВКИДЫ И СЕВЕРНО-ВОСТОЧНЫЙ ИРАН

в III в. до н.э.

Представления о Селевкидском государстве в III в. до н.э. колеблются между утверждениями о его радикальном уменьшении на "периферии" и менее крайней позицией, зависящими от взгляда на состояние селевкидского контроля над крупными областями Восточного Ирана: Маргианой, Арией, Дрангианой, Гирканией и Парфией. Следствием мнения о потере Селевкидами большинства из этих владений в столь раннее время является то, что их власть здесь была слабой. Если они действительно потеряли какой-либо из этих регионов в III в., то возникает вопрос (трудный вопрос), кому же они достались и когда. Для того, чтобы ответить на этот вопрос и проверить силу контроля Селевкидов над этой территорией, должна быть принята во внимание роль могущества Греко-Бактрийского царства и Парфии, и особенно необходимо проследить статус Арии и Маргианы в этот период.

Этот доклад будет первой попыткой устранить некоторые неправоподобные представления с упором на пути, связывавшие Западный Иран с Бактрией и Средней Азией, для того, чтобы прояснить: насколько серьезным для селевкидского контроля могло быть воздействие временного продвижения парфии в Гирканию. Во-вторых, будет предпринята попытка показать, что этот регион не воспринимался Селевкидами как отдаленный, но что повторные кампании, возглавлявшиеся лично царями, политика колонизации и установления военных зон и свидетельство активного присутствия представителей центральной власти — все это говорит против такой точки зрения. Это будет сделано путем анализа археологических, литературных и документальных свидетельств для селевкидских Гиркании, Арии, Дрангианы, Маргианы, и на основе пересмотра свидетельств для развития Парфянского государства и его экспансии, а также (кратко) отношений Бактрии с селевкидскими царями. Мы надеемся показать в заключение, что традиционная точка зрения о серьезном обкращении селевкидского контроля над территориями в Средней Азии и Восточном Иране во второй половине III в. неверна и что это произошло гораздо позднее — во II в. (при Митридатe I, около 171-138/7 гг. до н.э.).

БИТВА ПРИ КАРРАХ И ПАРФЯНСКАЯ ТАКТИКА
(К ВОПРОСУ О СТЕПНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ ПАРФЯН)

1. Парфянская тактика боя наиболее полно показана в описании битвы при Каррах (май 53 г. до н.э.), оставленном Плутархом в его биографии Красса (гл. 24-27). Ряд исследователей (Г.А.Дугаченкова, А.М.Хазанов) справедливо видят ее смысл во взаимодействии легкой и тяжелой (катафрактарной) кавалерии, однако следует признать, что этот тезис до сих пор не был раскрыт сколько-нибудь удовлетворительным образом.

2. Согласно рассказу Плутарха, сражение при Каррах началось атакой парфянских катафрактариев на боевой порядок римлян. Но, наткнувшись на плотный и глубокий строй легионеров, они отошли назад, а в бой вступили легкие конные стрелки, которые начали окружать римское каре и вести обстрел его из луков. При попытках римлян перейти в контрнаступление парфяне каждый раз быстро отступали, не прекращая стрельбу из луков. Когда же римляне, наконец, убедились, что их враги имеют практически неограниченный запас стрел, который хранился на стоящих в тылу парфянского войска верблюдах, Красс отдал приказ своему сыну Публию контратаковать парфянскую конницу, сражавшуюся против его фланга. Парфяне притворным отступлением заманили отряд Публия подалее от основных римских сил, после чего он был атакован с фронта катафрактариями, в то время как легкая конница окружила римлян, ведя губительный обстрел их строя из луков. Попытка галльской конницы прорвать строй катафрактариев не удалась, и отряд Публия вынужден был отойти к находившемуся поблизости песчаному холму и занять по его склону оборону. Впрочем, это не убергло римлян от смертоносных парфянских стрел, оставшиеся же в живых и продолжавшие сопротивляться легионеры были переколоты пиками во время заключительной атаки тяжеловооруженных конников Сурены. Теперь парфяне всеми своими силами устремились на армию Красса-старшего. В авангарде их войска шли катафрактары, теснявшие римлян в рукопашном бою пиками с фронта, а лучники обстреливали неприятеля с флангов. Это взаимодействие тяжелой и легкой конницы и предопределило сокрушительное поражение непобедимых до того римлян.

3. Примеры тактического взаимодействия катафрактарной и легковооруженной кавалерии Аршакидов приводятся также в других источниках (Дион Касс., 40, 22, 2-3; Плут. Антон.; 45). Основываясь на всех приведенных письменных данных, можно утверждать, что это взаимодействие было комбинированным, причем легкие и бронированные отряды решали свои конкретные боевые задачи в органическом единстве. Ни легкая, ни тяжелая конница не могли решить исход битвы самостоятельно. Первая сражалась только на дистанции, поскольку не имела доспехов и оружия ближнего боя; вторая была, прежде всего, немногочисленной и к тому же недостаточно маневренной, что в условиях неблагоприятно складывающегося боя и отсутствия помощи со стороны легковооруженной кавалерии грозило обернуться для нее большими неприятностями, особенно если неприятельским солдатам удавалось в рукопашной схватке сбить катафрактарию с коней — в такой ситуации бронированные воины были абсолютно беспомощными. Поэтому только точно скоординированные действия обоих родов парфянской кавалерии обеспечивали успешный исход сражения.

4. Такая, качественно новая для античного мира, боевая тактика зародилась в северной (степной) зоне Средней Азии (если говорить точнее — в ее ареале к востоку от Каспийского моря вплоть до Восточного Приаралья) не позднее конца IV в. до н.э. Главной предпосылкой к этой реформе было появление в среде племен указанного региона, на базе слияния воедино конника-пикейщика македонского образца и классического для среднеазиатских кочевников закованного с головы до ног в доспехи всадника, конницы катафрактарию, которая действовала не иначе, как во взаимодействии с традиционной для Востока легкой кавалерией лучников. Основатели Парфянской державы Аршакиды, кочевники-парны из племенной конфедерации скифов-дахов — выходцы из очерченного выше ареала, очевидно, уже при завоевании Парфии около середины III в. до н.э. имели в рядах своего войска, помимо легковооруженных конных стрелков, также катафрактарию и применяли тактику их строго скоординированного взаимодействия между собой, которая и позволила им в дальнейшем одержать верх над армиями эллинистических правителей Ирана и Месопотамии и создать в конечном итоге свою обширнейшую державу.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА СЕВЕРЕ МЕРВСКОГО ОАЗИСА

1. Одной из важнейших задач, стоящих в настоящее время перед археологами Туркменистана, является создание карты археологических памятников республики.

2. Для решения этой задачи в пределах Мервского оазиса создана объединенная экспедиция ИА АН СССР, ТГУ и МГУ. Эта экспедиция осуществляет сплошное маршрутное обследование памятников оазиса и раскопки отдельных памятников, необходимых для создания надежной стратиграфической шкалы и апробации предварительных наблюдений.

3. Важнейшим инструментом исследования являются крупномасштабные карты и аэрофотоснимки, сделанные в разное время, что позволяет до начала разведок наметить важнейшие объекты для сплошного маршрутного обследования.

4. В настоящее время зарегистрировано более 100 памятников различных эпох (от раннего железного века до развитого средневековья). Исследования этих памятников показывают не только историческую динамику развития систем расселения оазиса, но и историческую динамику развития отдельных групп памятников.

5. Удалось установить, что в пределах Мервского оазиса существует большое число изолированных групп памятников, каждая из которых обладает своей своеобразной историей.

6. Важнейшей задачей нынешнего этапа исследования, помимо учета всех памятников оазиса, являются работы по восстановлению схем древних ирригационных систем и их исторической динамики.

КОЧЕВНИЧЕСКАЯ ОДЕЖДА ПАРФЯН:
СОХРАНЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Искусство парфянского периода с его скульптурой, рельефами, монетами и другими мелкими находками дает нам изображение типа одежды, которая была в моде от около II в. до н.э. до начала III в. н.э. Становится менее модной греческая одежда, состоящая из хитона вместе с гиматием или без него, или традиционно длинное ближневосточное платье, известное из ассирийского и официального ахеменидского придворного искусства. С появлением Аршакидов и их продвижением в Месопотамию делается настолько популярным тип одежды, который давно был известен и носился в степях Средней Азии, что население, не считаясь со своим этническим и религиозным происхождением, предпочитало видеть себя облаченным в одеяние со штанами. Первоначально являясь принадлежностью кочевого народа — скифов и остальных конных кочевников Средней Азии, оно становится модой постэллинистического периода на древнем Ближнем Востоке, Туники, штаны и гамаша, часто искусно украшенные, иногда носились самостоятельно, но временами дополнялись курткой с длинными рукавами, похожей на ахеменидский андрос. В них облачены мужские фигуры в Пальмире на западе, а также фигуры кушанских донаторов на востоке; покрывая тем самым широкое географическое пространство, не связанное политически. Но, вероятно, самым интересным типом кочевнической одежды, введенным парфянскими Аршакидами в ближневосточное искусство, является короткая с накидкой и подпоясанная кушаком куртка со штанами и гамашами. Немногие образцы этого типа одежды известны из Ирана и Месопотамии, причем особенно в позднепарфянский период короткая куртка заменяется поколенной с накидкой курткой, которая стала очень популярной в искусстве кушанского периода. Происхождение короткой подпоясанной куртки можно проследить среди погребений IУ-III вв. до н.э. в Северном Причерноморье, а также среди погребений Пазырыка и кургана Иссык У в. до н.э.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ПАРФЯНСКОЙ СТРАГИСТИКЕ (БУЛЛЫ)
ИЗ ГЁБЕКЛЫ

1. В ходе раскопок памятника парфянского-раннесасанидского времени Гёбеклы, расположенного на севере Мервского оазиса, была открыта значительная коллекция глиняных булл (около 600 экземпляров).

2. Стратиграфические наблюдения показывают, что это коллекция может быть датирована позднепарфянским временем.

3. Можно полагать, что буллы запечатывали токи товаров и небольшие сосуды. Уже давно было высказано предположение, что Гёбеклы, расположенный вне пределов районной стены Антиоха, играл особую роль в торговом обмене между Мервским оазисом и кочевниками. Открытие булл подтвердило это предположение...

4. Данная коллекция булл дает огромный новый материал для решения большого числа вопросов: экономические связи, искусство, религиозные представления жителей Мерва парфянской эпохи и т.д.

5. Научная обработка коллекции только начата, но уже сейчас можно высказать несколько достаточно надежных предположений о характере парфянской сфрагистики в Мерве. Печати, которые использовались для создания оттисков, принадлежат нескольким типам:

- а) восходящие к печатям Мервского оазиса эпохи бронзы;
- б) с античными (греческими) сюжетами;
- в) с типично парфянскими сюжетами.

Основное место принадлежит печатям последнего типа.

6. Загадочным является то обстоятельство, что ни на одной из печатей не имеется надписей.

ТЕРРАКОТОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ АРХИТЕКТУРНОГО ДЕКОРА
В ЭЛЛИНИЗИРОВАННОЙ АЗИИ

Со времени работ ЮТАКЭ стало ясно, что одной из наиболее отличительных особенностей материальной культуры Нисы является наличие терракотовых элементов архитектурного декора и терракотовых капителей, найденных в большом количестве особенно на Старой Нисе.

Археологические данные позволяют утверждать, что архитектурный декор южного комплекса Старой Нисы, особенно зданий с Круглыми и Квадратными залами, состоял из терракотовых элементов, крепившихся на стены, сложенные из сырцовых кирпичей.

Капители колонн были украшены листьями аканта, сформированными отдельно. Такая техника долгое время рассматривалась как особенность раннепарфянской культуры родины Аршакидского государства.

Однако материалы, полученные в ходе раскопок в Селевкии на Тигре, позволяют констатировать: в Западнопарфянском мире были широко распространены аналогичная техника и аналогичное использование классического ордера, практически утерявшего свою функцию как системы конструкций.

В Селевкии были найдены не только выполненные в технике терракоты небольшие листья аканта, но и монументальные колонны.

Эти находки отнесены к эллинистическому (селевкидскому и раннепарфянскому) периоду, и в этом смысле некоторые из них могут рассматриваться как предшествующие аналогам из Нисы.

Вместе с тем можно предположить месопотамское происхождение данной техники. Здесь следует учитывать два фактора: недостаток камня как строительного материала, а также попытку адаптации идей греческой архитектуры в практике строительства зданий из кирпича и в этом смысле абсолютно чуждой греческой логике строительства.

До образования Парфянской империи, зарождения и развития "официального" искусства и дворцовой архитектуры Аршакидов в Старой Нисе, сложности адаптации греческих идей в восточной практике строительства должны были проявиться в городах типа

Селевкии на Тигре, основанных Селевкидами как центры эллинистической культуры их огромной державы.

А.Губаяв
(Ашхабад)

ОКРУГА МЕРВА В ПАРФИЯНСКИЙ И САСАНИДСКИЙ ПЕРИОДЫ (на примере Гёбеклы-депе)

Взаимообусловленные процессы развития городов, ремесла и торговли связаны не только с производственной деятельностью местного населения Южного Туркменистана в древности, но и зависят от сложившихся в этом регионе международных торговых трасс по Великому шелковому пути. Исходя из этого, стало возможным проанализировать двустороннее влияние взаимобмена на экономические и культурные связи отдельных стран. На основе археологических памятников и письменных источников можно составить общую картину развития городов, ремесла и торговли Южного Туркменистана в этот период. Развитие ремесла, его специализация привели к тому, что во многих городах Южного Туркменистана, особенно таких, как Мерв, Ниса, Абивард, выделяются целые ремесленные кварталы. В целом же, историко-археологическое изучение Южного Туркменистана установило непрерывную линию развития местных культур в разные эпохи, их преемственность и самобытность, а также взаимовлияние на культуру соседних народов и государств.

В настоящее время обследована почти полностью северная часть оазиса, в результате чего зафиксировано более 80 разновременных памятников (от раннего железного века до развитого средневековья). В силу этого встала задача параллельно с рекогносцировочными работами осуществить и раскопки нескольких памятников, представляющих собой наиболее выразительные примеры того или иного типа. В соответствии с этой программой за прошедшие годы проводились раскопки на двух памятниках: Чильбурдже и Гёбеклы.

Гёбеклы-депе был впервые зафиксирован в ходе работ экспедиции под руководством Р.Пампелли, а позднее неоднократно посещался сотрудниками ИТАКЭ. Результаты их наблюдений были обобщены Г.А.Пугаченковой. Новые раскопки позволили изменить представление о памятнике. В результате нескольких сезонов раскопок мы

выявили следующую картину. Прежде всего удалось определить, что Гёбеклы пережил четыре основных периода своего существования. Хронологические определения этих периодов построены на базе находок нескольких десятков монет. Распределение монет по слоям крайне показательно и, как представляется, не может вызывать больших сомнений. Наконец, одной из наиболее важных категорий находок, сделанных в ходе исследований Гёбеклы, являются острака. Всего их найдено десять, надписи на фрагментированных сосудах представляют собой личные имена (видимо их владельцев). Особый интерес представляет надпись на целом сосуде. Она отличается по содержанию от всех других известных ныне парфянских текстов на керамике. Это единственная надпись с пространным текстом благопожелания, не находящем прямых аналогов в зороастрийской литературе. Находки этих острака во всей определенностью свидетельствуют о том, что парфянский язык и парфянское письмо использовались в Марвском оазисе по крайней мере вплоть до IV в. н.э.

Однако наиболее сенсационная находка, осуществленная в ходе раскопок на Гёбеклы - это большое число глиняных булл. Первым предвестником этого открытия стала находка в 1982 г. фрагмента кума с оттисками двух печатей. На одном оттиске был изображен царь, который преследует на коне горного козла, на втором - Ника. Судя по характеру изображения на первом оттиске, печать относится ко времени правления Арташира, царя Мерва, зависимого от Сасанидов, т.е. примерно к 240-260 гг. н.э. Коллекция булл была обнаружена на раскопе I в здании второго периода. Всего до настоящего времени обнаружено более 500 экземпляров находок этого типа. На каждой (достаточно хорошо сохранившейся) булле почти всегда имеется несколько отпечатков-оттисков. Все они, как правило, крупные, различной формы. Изображения на оттисках очень разнообразны и включают более 30 сюжетов. Эти сюжеты следуют различным иконографическим традициям: древневосточным (воспринятым парфянами), эллинистическим и, наконец, местным древнемаргианским. К числу первых, видимо, можно отнести сюжеты с изображением сидящего на троне царя, коня перед алтарем; ко вторым - изображения Цегаса, обнаженной мужской фигуры; к третьим, видимо, сюжеты с геометрическим орнаментом. Буллы представляют собой весьма ценный источник для изучения экономики,

права, торговли и административного устройства; анализ сюжетов и иконографии может дать много для понимания искусства и идеологии. Исследование булл, полученных в ходе археологических работ на Гёбеклы, приводят к важным и интересным выводам по истории этого малоизученного региона Средней Азии.

Дж. Херрман
(Лондон)

ПОБЕДЫ ШАПУРА I НА ВОСТОКЕ

Победы, одержанные Шапуром I на западных границах в борьбе с римлянами, известны достаточно хорошо. Прежде всего, существует его собственный детальный отчет на стенах Кааба-и-Зардушт в Надж-и-Рустаме. Далее мы имеем серию наскальных рельефов, на которых изображен царь-триумфатор и римляне позади него; и наконец, мы располагаем рядом свидетельств римских авторов.

Значительно меньше известно о его не менее важных успехах на Востоке. Мы располагаем ссылками в надписи Каабы-и-Зардушт на земли, которые он контролировал на восточных границах. Мы также располагаем другим, достаточно мало известным источником информации. Беспокойство Шапура I по поводу восточных дел ясно показано на его последних трех рельефах, высеченных в узком ущелье Бишапура. На первом из них мы видим людей в иранских одеждах, приносящих царю дары или дань, напоминающих скульптуры Дария на ападане в Персеполе. На следующем мы видим группу восточных людей, и, наконец, мы видим отнюдь не празднование победы, а восстание на востоке, жестоко подавленное сасанидским царем.

С. Д. Логинов, А. Б. Никитин
(Ашхабад, Ленинград)

МОНЕТНЫЙ ДВОР МЕРВА ПРИ САСАНИДАХ

Сасанидские монеты, найденные в ходе археологических работ ЮТАКЭ в Мервском оазисе и хранящиеся в настоящее время в кабинете нумизматики ЮТАКЭ (около 1000 экз., главным образом бронзовые монеты), а также монеты мервского чекана из других музейных коллекций позволяют уже сейчас, до завершения научной публикации

всех этих материалов, реконструировать в общих чертах историю монетного двора сасанидского Мерва.

Первые сасанидские монеты, выпущенные в Мерве — халки Ардашира I (220—240), датирующиеся последними годами его правления. Одновременно с ними и, очевидно, в первые годы правления его преемника Шапура I (240—273) выпускались также бронзовые номиналы местного правителя, носившего титул "царь Мерва" (так называемые монеты "мервского всадника") — последнего можно отождествлять с царем Мерва Ардаширом, упомянутым в списке союзников Ардашира I в монументальной надписи Шапура I.

Бронзовые монеты Шапура I представлены несколькими эмиссиями, причем количественно преобладают выпуски первых лет его правления. Известны золотой денар Шапура с обозначением монетного двора Мерва (Эрмитаж) и немногие драхмы мервской чеканки, сходные по манере изображения с его ранними бронзовыми мервскими эмиссиями.

Монеты ближайших преемников Шапура I — Хормизда I и Варахрана I — в Мерве не найдены, не представлены здесь и монеты Нарсе. Известны несколько типов драхм Варахрана II с обозначением мервского монетного двора; с территории оазиса происходят находки бронзовых номиналов этого правителя.

Чекан Шапура II представлен многочисленными бронзовыми монетами, найденными на территории оазиса, а также драхмами и денарами из коллекций разных музеев.

Бронзовые номиналы представлены пятью основными типами. Первые четыре совпадают по типу оборотной стороны с основными эмиссиями общегосударственного чекана Шапура II, пятая серия имеет на оборотной стороне изображение алтаря с поясной фигурой божества с диадемой и трезубцем в руках, сходное с изображениями на оборотной стороне монет сасанидских наместников Кушаншахра. Эта эмиссия может быть датирована второй половиной правления Шапура II (309—379), после 350 г., последнее обстоятельство важно для датировки сасанидо-кушанских монетных эмиссий. Последняя эмиссия количественно преобладает среди найденных в Мерве монет Шапура II. Документированные находки монет, принадлежащих к различным эмиссиям Шапура II, позволяют с большей точностью датировать археологические комплексы Мерва, а также этапы существования отдельных памятников (как, например, суддийской ступы

на Гяур-кале, в основании которой найдены монеты более ранних, а в верхней части кладки — более поздней эмиссии Шапура II).

История монетного двора Мерва в конце IV — начале V в. пока еще недостаточно хорошо изучена. Одна из бронзовых эмиссий конца IV в., вероятно, принадлежит Шапуру II.

Бронзовые мервские эмиссии Варахрана V (420—438), Йездигерда II (438—457) и первых лет правления Пероза (457—484) имеют на оборотной стороне различные символы вместо обычных алтарей, представленных на их драхмах. Драхмы Варахрана V, выпущенные в Мерве в последние годы его правления, составляли, судя по их количественному соотношению с монетами других городов в музейных коллекциях, едва ли не половину общегосударственного чекана. Это связано, вероятнее всего, с военными действиями на северо-восточных границах Сасанидского государства и с длительным пребыванием в Мерве царского двора и войска. При Йездигерде II направление военных походов меняется, центр военных действий перемещается к югу и Мерв теряет значение основной военной базы сасанидской армии. Одновременно резко сокращается чеканка здесь серебряной монеты.

Драхмы Пероза мервской чеканки неизвестны (упоминания о подобных монетах в нескольких нумизматических публикациях оказались ошибочными), его бронзовые монеты представлены только выпусками начала его правления. Найденные в Мерве бронзовые монеты более поздних выпусков Пероза (с изображением крылатой короны), а также клад таких однотипных монет с Гяур-калы, все — табаристанской чеканки, с обозначением монетного двора Амуля.

Возобновление чеканки серебра в Мерве, после столь долгого перерыва, относится к 20-м гг. правления Кавада I (484—531 гг.). Все бронзовые монеты Кавада с обозначением монетного двора Мерва датируются, по монетному типу, временем после 33 г. его правления.

Обилие бронзовых монет Хосрова I среди находок, сделанных на территории оазиса, и значительное количество его драхм мервской чеканки в музейных коллекциях соответствует исторической традиции, повествующей о расцвете Сасанидского государства в годы его правления (531—579). Среди бронзовых монет Хосрова I, найденных в Мерве, встречаются экземпляры с обозначением монетного двора, а также полностью анепиграфные монеты мелких номиналов.

Мервские выпуски Хормизда IУ (579-590) и Хосрова II (590-628) представлены, главным образом, драхмами из музейных коллекций. Бронзовые монеты Хосрова II, найденные в Мерве, как правило, мелкие номиналы плохой сохранности. К числу последних сасанидских монет, выпущенных в Мерве, принадлежат драхмы Ардашира III.

Ст. Джон Симпсон
(Кэмбридж)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕРДОЛИКА В САСАНИДСКОЙ ИМПЕРИИ: НАХОДКИ ИЗ МЕРВА, МЕСОПОТАМИИ И ИРАНА

Доклад посвящен распространению сердолика, который часто использовали в Сасанидской империи, особенно для изготовления печатей и бус. В докладе рассмотрены археологические находки из мастерских по изготовлению изделий из сердолика в Иране, свидетельства торговли сердоликом, а также дан детальный анализ технологии, типологии и распространения отдельных сердоликовых бус с применением травления. Бусы встречены в позднеасанидский период, с V по VI вв. н.э., в захоронениях в Мерве, Месопотамии и в других местах. Они могут явиться важным средством определения датировки и связей между различными археологическими центрами в Средней Азии и других регионах.

В.А.Завьялов
(Ленинград)

КУШАНШАХР В КОНЦЕ III - СЕРЕДИНЕ V вв. ТРАНСФОРМАЦИЯ КУШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ КУЛЬТУРЫ САСАНИДСКОГО ИРАНА

I. Образование Кушаншахра в результате сасанидских завоеваний бывших кушанских земель не только в корне изменило здесь политическую ситуацию, но в значительной мере повлияло также на процесс трансформации культуры, что в археологическом контексте нашло отражение в формировании кушано-сасанидских комплексов. Ограничение этих комплексов во времени и пространстве, их интерпретация представляют собой одну из актуальных задач

археологии, решение которой сопряжено с целым рядом затруднений, вызванных как степенью изученности, так и потенциальной степенью информативности различных видов археологических источников.

2. В формировании кушано-сасанидских комплексов наблюдаются определенные параллели с формированием греко-бактрийских комплексов, проявляющиеся в появлении инноваций, существенно меняющих облик культуры на завоеванных территориях. По сути дела эти инновации служат критерием и индикатором, указывающим на границы соответствующих комплексов. При этом, становясь традиционными в пределах новых политических образований, они воспроизводятся не только в период их существования, но зачастую и после их падения. Примером последнего могут служить греко-бактрийские и кушано-сасанидские керамические комплексы, верхние даты которых (I в. до н.э. и вплоть до конца V в. соответственно) предлагаются многими исследователями. Это обстоятельство объясняется тем, что при смене политической ситуации не происходит резкой смены населения. С другой стороны, падение Греко-Бактрии и Кушаншахра должны были нарушить действие факторов, способствовавших воспроизведению ряда культурных компонентов данных комплексов. В первую очередь это проявляется в смене монетных чеканов, весьма оперативно реагирующих на такие изменения. Вышеизложенное позволяет поставить знак равенства между периодом политического существования данных объединений и рамками соответствующих археологических комплексов. В таком случае верхняя дата греко-бактрийских комплексов вряд ли далеко отстоит от 145-140 гг. до н.э., судя по последним данным раскопок Ай-Ханум, а кушано-сасанидские комплексы, если даже принять во внимание самые поздние, предложенные В.Г. Лукониным, даты кушано-сасанидских монет (459 г.), никак не могут существовать до конца V в. (Садов, 1987). Если же учитывать более ранние датировки прекращения чеканки кушано-сасанидских монет, то верхний предел существования Кушаншахра, а следовательно и кушано-сасанидских комплексов, будет относиться к концу IV в. н.э.

3. Выпуск и прекращение чеканки кушано-сасанидских монет, с одной стороны, наряду с иными инновациями является основным индикатором ограничения комплексов, тогда как, с другой стороны, указывает на существование своего собственного рынка в Кушан-

шахре. Отсюда следует, что Кушаншахр по отношению к Сасанидскому Ирану обладал определенной степенью политической и экономической автономии. Тем не менее в кушано-сасанидских комплексах, особенно керамических, весьма заметны именно сасанидские влияния, свидетельствующие о смене кушанской культурной доминанты в этом регионе на сасанидскую. Появление таких характерных для кушано-сасанидских керамических комплексов категорий, как сосуды на зооморфных подставках, амфоровидные кувшины, кувшины с узким горлом на поддонах, эйнохойи и некоторые типы чаш, подражающие сасанидскому металлу, в совокупности с витыми ручками, а также фрагментами глазурованной керамики, пусть даже и единичными, можно связать только с Ираном. Не исключено, что через посредство Сасанидского Ирана в Кушаншахр проникают элементы римского влияния, новая волна которого в самом Иране начинается после войны Шапура I с Римом. Так, в материалах Зартена найден кувшин, имитирующий римские металлические образцы II-III вв., имеющие ребро в средней части тулова и антропоморфную личину на месте корня ручки. В данном случае изображение воспроизводит бородатого сасанидского или кушано-сасанидского правителя на голове которого диадема, увенчанная серпом луны. Верхняя часть ручки кувшина украшена изображением птицы. Корона в виде птицы одета на голове правителя, изображение которого украшало еще один сосуд. Аналогичные находки известны также в кушано-сасанидских комплексах Явана и Кобадияна. В Иране зооморфная символика в коронах получает широкое распространение, начиная с правления Варахрана II (276-293 гг.). Кроме того, в керамических комплексах нижнего течения Сурхандарьи и Шерабадарьи появляются подражания стеклянным чашам с украшениями в виде масок львов, изготавливавшимся в восточно-римских провинциях в конце III-IV вв., причем одна из них найдена вместе с монетой Максимиана (286-305 гг.). Эти факты скорее свидетельствуют в пользу ранней хронологии кушано-сасанидских Монетных эмиссий и не исключают того, что формирование кушано-сасанидских комплексов началось с последней четверти III в. н.э.

4. Сасанидские влияния ярко прослеживаются в живописи и архитектуре. Исследования жилого квартала на Зартене показали, что архитектурно-планировочное решение его застройки блоками многокомнатных домов с внутренними открытыми двориками не связано генетически с кушанской жилой архитектурой и наибольшие

соответствия находит в Иране на городище Чоче, отождествляемом с Вех Ардаширом. Таким образом, образование Кушаншахра в значительной мере расширило сферы влияния сасанидской культуры на восток, являясь ее ретранслятором. При этом поток культурных влияний идет и в обратном направлении, что подтверждается многочисленными параллелями в материалах Мервского оазиса, с одной стороны, и Бактрии-Тохаристана, с другой.

А.Е.Никитин
(Ленинград)

СРЕДНЕПЕРСИДСКИЕ ОСТРАКИ ИЗ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

Первые среднеперсидские документы в Южном Туркменистане были найдены в 1904 г. при раскопках на Эрк-кале, цитадели Старого Мерва, проводившихся американской экспедицией под руководством Р.Лампелли. В 1936-1937 гг. раскопки на Эрк-кале были продолжены А.А.Марущенко. Им были найдены несколько фрагментов ostrakov с надписями на среднеперсидском, согдийском и арабском языках. Основная часть эпиграфических находок происходит из раскопок в Мерве, проводившихся ЮТАКЭ в 1950-е - 1970-е гг. Несколько среднеперсидских надписей было найдено за пределами Мервского оазиса: на Ак-дапе у ст. Артык и на Коша-дапе.

Изучение среднеперсидских ostrakov из Южного Туркменистана начал В.Г.Луконин. Им был опубликован один из фрагментов, найденных А.А.Марущенко. В настоящее время известны следующие среднеперсидские надписи, происходящие с территории Туркменистана:

I. Один из фрагментов из раскопок Р.Лампелли, 1904 г. Острак был доставлен в Ст.Петербург, где К.Г.Залеманн определил его как образец позднего курсивного пехлавийского (=среднеперсидского) письма. Вторично он был обнаружен в 1988 г. в отделе Востока Эрмитажа. Фрагмент представляет, вероятнее всего, отрывок письма, черновик. Начинается он сентенцией: "Совершение греха - путь в тюрьму". Далее следует обвинение некоего мобеда (духовного лица) в клятвопреступлении, очевидно, в связи с каким-то судебным процессом. Второй небольшой фрагмент из находок американской экспедиции не обнаружен, разобрать

текст по опубликованной в отчете экспедиции фотографии не удается.

2. Фрагмент венчика хума с несколькими строками курсивным среднеперсидским письмом из раскопок А.А.Марушенко, опубликованный В.Г.Лукониным. Содержит перечень имущества человека по имени Бурз-Михр-Шахр. К чтению Луконина можно добавить только цифру, содержащуюся в последней строке основной части текста - 226 драхм. Вероятнее всего, это учебный текст.

3. Фрагмент, найденный в 1948 г. на Эрк-Кале отрядом ЮТАКЭ. Вероятно, черновик делового документа, контракта или манумиссии, поскольку после фрагментарно сохранившегося текста следует слово "гаранты" и четыре подписи разных лиц.

4. Еще один острак, найденный на Эрк-кале в 1955 г., содержит список расходов, в том числе 6 драхм - "салару Бурзмихру", более 100 драхм - астрологу за составление гороскопа и 34 (?) драхмы - предсказателю судьбы (кундаг и бахт).

5. Восемь небольших фрагментов остраков и один целый сосуд с 9 строками среднеперсидским курсивом найдены в 1950-е - в начале 1960-х гг. на Гяур-кале при раскопках так называемого - "овального дома". Один из остраков содержит список имен. Остальные - хозяйственные документы (читаются обозначения денежных сумм, сельскохозяйственных продуктов). К сожалению, не установлено местонахождение целого сосуда с надписью. Разобрать текст по сохранившимся фотографиям не удалось.

6. Несколько остраков были найдены при раскопках буддийского комплекса на Гяур-кале, проводившихся в 1970-е гг. З.И.Усмановой. Среди них - фрагмент делового документа, очевидно, расписки о займе 4-х драхм. 15 маленьких остраков были найдены вместе в одном из помещений буддийского храма. По-видимому, они попали туда уже после того, как храм был заброшен. Каждый содержит одну-две строки: имя или имя и патроним. Вероятно, какие-то люди производили жеребьевку в заброшенном святилище.

7. Небольшой острак, содержащий список имен, был найден в 1970 г. у с. Мургаб, в Мургабском районе. Назначение подобных списков неизвестно.

8. Три среднеперсидских надписи найдены при раскопках замка и поселения Ак-дэпе в Каахкинском районе. Одна из них - фрагмент горла небольшого кувшина с процарапанным на нем именем:

Рашмихр. Второй фрагмент — по-видимому, посвятельная надпись, оставленная духовным лицом (радом). В сохранившейся ее части читается его титул и патроним ("сын Абана"). Трижды повторяется благожелательная формула "все наилучшее". При раскопках храма огня на поселении Ак-депе было найдено донце сосуда с 17-плохо сохранившимися строками курсивной скорописи. Большая часть текста не поддается прочтению. Судя по первым, лучше всего сохранившимся строкам, это черновик делового письма.

9. Острак с 5 строками текста, найденный на Коша-депе В.Н.Пилипко, вероятно, типичный "винный острак", сходный с нисийскими парфянскими остраками или среднеперсидскими остраками из Верамина (Северный Иран). Он содержит идеограммы для обозначения уксуса и цифровые обозначения.

Все остраки, происходящие с территории Южного Туркменистана, могут быть датированы, по палеографии и по обстоятельствам находки, в пределах VI—VII вв. Более ранние остраки, представляющие среднеперсидскую письменность III—IV вв., аналогичные документам из Дура-Европос или остраку с Даль-верзин-тепе в Узбекистане, здесь пока не найдены. Не исключено, что в III—IV вв. на этой территории еще употреблялись парфянский язык и письменность, что объясняет отсутствие ранних среднеперсидских документов.

К числу памятников среднеперсидской письменности, происходящих с территории Южного Туркменистана, относятся, помимо остраков, надписи на оттисках сасанидских печатей на глиняных буллах (такие буллы найдены на Ак-депе у ст. Артык) и надписи на монетах местных правителей второй половины VII в.

П. Харпер...
(Нью-Йорк)

ЦЕНТРЫ ПРОИЗВОДСТВА "САСАНИДСКИХ" СЕРЕБРЯНЫХ СОСУДОВ: ЗНАЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ

Изучение "сасанидских" металлических изделий, как со стороны истории технологии, так и истории искусства, открывает существование произведений, принадлежащих к несомненно различным стилям, технологиям (в т.ч. и по составу металла). К корпусу тщательно проанализированных сасанидских и "провинциальносасанидских" изделий теперь можно добавить новые "сасанидские"

произведения искусства, найденные за последние два десятилетия в районе Афганистана, Средней Азии и Китая. И хотя детальное изучение и определение этого материала еще не завершено, можно все же провести сравнение новых находок и более интенсивно исследованных и опубликованных центрально-сасанидских и "провинциально-сасанидских" сосудов.

Методика, недавно разработанная на материале ближневосточной глиптики для анализа продукции мастерских центра, провинции и периферии (M. Marcus "Center, Province and Periphery: A New Paradigm from Iron-Age" // Art History, vol. 13, no. 2, June 1990, p. 129-150), может быть с успехом применена к этим и сасанидским серебряным изделиям и, возможно, также и к памятникам глиптики. Обзор этого материала и предложенная классификация находок на центральные, провинциальные и периферийные могут пролить свет на культурное и политическое развитие в Иране сасанидского периода и в соседних районах.

Д. Абдуллоев
(Ленинград)

ДВОР В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОГО ЖИЛИЩА СРЕДНЕЙ АЗИИ ПЕРИОДА АНТИЧНОСТИ, РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Жилища Средней Азии периода античности, раннего и развитого средневековья слабо изучены, за исключением раннесредневекового Пенджикента (Распопова, 1990) и средневекового Мерва, где были исследованы руины жилых домов, сохранившиеся на поверхности земли (Пугаченкова, 1958). Произведенные за последнее время археологические раскопки в руинах городища Мерва позволили получить весьма ценные сведения о средневековых жилищах, принадлежащих различным слоям горожан (Лунина, 1980).

2. Одной из составных частей в архитектуре среднеазиатского городского жилища является двор. В настоящее время, опираясь на сведения письменных источников, а также археологических и этнографических данных, можно проследить этапы эволюции двора в системе городского жилища для конкретной исторической эпохи.

Судя по планировке античного и раннесредневекового города (Топрак-кала, Дальверзинтепе, Зар-тепе, древний Пенджикент),

представляющей собой кольцо крепостных стен и плотно сомкнутых друг с другом жилищ внутри города, двор не являлся обязательным элементом жилой архитектуры. Дворы хотя и существовали, но очень редко. Отсутствие очагов и приспособлений для хранения сельхозпродуктов, а также других хозяйственно-бытовых построек на территории двора указывало на то, что он не использовался для каких-либо хозяйственных целей. Двор в эти исторические периоды выполнял, главным образом, функцию связующего звена между домом и улицей.

3. Большие изменения произошли в структуре городской застройки Средней Азии в период средневековья. В это время, помимо жилищ с одним двором, появляются дома с внешними и внутренними дворами. Внешний двор считался мужской половиной. Здесь находились хозяйственные постройки. Одной из обязательных деталей в планировке внешнего двора являлось наличие "мисманханы" (помещения для приема гостей). Внутренний двор отводился для женщин и назывался женской половиной. В этой части жилища располагались жилые и бытовые помещения. Появление внешнего и внутреннего двора являлось следствием исламизации местного населения. Вместе с тем, в это время продолжают существовать дома с одним двором. Однако коренным образом меняется планировка этих жилищ. Если античный и раннесредневековый двор примыкал к дому и сообщался с ним единственным входом (Топрак-кала, Дальверзинтепе, древний Панджикент), теперь он занимает центральное место, а все помещения жилища находятся по его периметру. Каждое помещение имеет отдельный выход во двор (Мерв, Афрасиаб, Варахша, Отрар). Еще раньше - с конца VIII в. (Афрасиаб) - начинают исчезать двух и трехэтажные дома. Взамен им появляются одноэтажные жилища с небольшими двориками. Во дворах средневековых жилищ появляются постройки хозяйственно-бытового назначения. Двор в это время помимо связующего звена приобретает хозяйственно-бытовую функцию.

4. В позднем средневековье в структуре городского жилища Средней Азии наблюдаются сочетания нескольких вариантов дворовых построек. Их можно подразделить на три категории: а) дома с одним двором, б) жилища с внешним и внутренним двором, в) дома с двумя дворами, один из которых был отведен под сад или вгород. Все эти категории дворов существуют до настоящего времени.

АРАПХАНА — ПАМЯТНИК РАШНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ
В ОБЛАСТИ АМУЛЯ

Археологические исследования, проводимые в последние годы на территории Карабакаульского и Чарджоуского оазисов, территориально соответствующих области Амуля, известной по средневековым письменным источникам, привели к значительному накоплению материала по истории и культуре среднеамударьинского региона.

В этом отношении особый интерес представляют результаты работ Среднеамударьинской экспедиции Института истории им.Ш.Батырова АН СССР, проведенных в 1989-1990 гг. на остатках поселения Арапхана¹. Первоначально памятник представлял из себя прямоугольный холм (92 x 96 кв.м), направленный по странам света, и высотой более 3 м.

Стратиграфические шурфы в западном (5 x 5 кв.м) и восточном (4 x 3 кв.м) останках, а также раскопки траншеями в отдаленных сохранившихся частях памятника позволили выяснить основные черты развития жизни на поселении. Основным строительным материалом служили крупноразмерные пахсовые блоки и прямоугольные сырцовые кирпичи со знаком (38 x 38 x 12 см), а также древесина и камень. Выявлены остатки керамической печи.

В ходе раскопок получен комплекс разнообразной керамической посуды, как по формам, так и по технологии изготовления. Многообразны и значительны крупные сосуды с Г- и Т-образным венчиком. Некоторые из них в нижней части имеют вышки, другие орнаментированы волнистым орнаментом и параллельными линиями, насечками и лепным, и даже изредка, матерчатым орнаментом. Черепок обычно рыхлый, черного, серого и красного цветов, имеет значительное количество шмота. Поверхность сосудов покрыта светлым, черным, темно-розовым и светло-зеленоватым ангобом. Как известно, эти

1. Памятник, расположенный на окраине участка "Ялгым" колхоза "Москва" Дайнауского района Чарджоуской области, стал известен в результате разрушительных земляных работ в 1988 году.

сосуды характерны для памятников Средней и Нижней Сирдарьи эпохи античности и раннего средневековья. Такие же сосуды распространены в Согде, в особенности в Бухарском Согде в V-VI вв. н.э. Исследования показывают, что в среднеамударьинском регионе они появляются в IV в. н.э.

Среди керамических находок несколько изящных кувшинчиков, многочисленны миниатюрные сосудики, красивые крышки сосудов. Интересна посуда с изображением сливов в виде животных (черепихи, кабана и бика). Бык, к примеру, играл магическую роль, как бы олицетворяя духа-покровителя воды, а сами же сосуды имели также и конкретное назначение: использовались как поильники для детей. Сосуды с аналогичными сливами широко известны в памятниках Средней Азии, в частности раннесредневекового Согда (верхние слои Пенджикента, Самарканд).

Среди находок несколько интересных терракотовых фигурок: три статуэтки богинь, изображающих один и тот же персонаж женщины-богини, изготовленные в одной и той же матрице, а также скульптурка женщины-воительницы в плотном чешуйчатом одеянии и калпы с изображением обнаженной женщины. Интересен экземпляр мужской статуэтки - "всадника-уродца". Среди зооморфных фигурок из Арапханы отметим изображения лошадей, собаки, быка, быка-забу.

Среди находок немало металлических изделий: это железный нож, наконечник копья, трехперый наконечник стрелы, гвозди, шпирколки, а также изделия из бронзы и меди - миниатюрные блюда, серьги, монеты. К примеру, найдена уникальная бронзовая монета. На ее аверсе схематическое изображение головы правителя анфас. На лбу диадема или часть головного убора. На реверсе - характерное для сасанидских золотых монет изображение высокого алтаря, над которым язык пламени. По сторонам алтаря, вероятно, две стоящие фигуры молящихся. Аналогичные монеты ранее уже были найдены в Хорезме и Бухарском оазисе, а также на городище Одей-депе в Чарджоуском оазисе. Б.И.Вайнберг включила эти монеты в группу бухарских. В.Н.Пилипко склонен отнести эту группу монет из Одей-депе к местному чекану.

Судя по итогам раскопок, предварительно можно сказать, что поселение на Арапхана существовало приблизительно с III по VII вв. н.э., хотя раскопки выявили частично материалы и IX-X вв. Возможно, находки этого времени на территорию Арапханы перенесены

с близлежащих средневековых поселений, либо они указывают на временное развитие жизни в самом поселении в IX-X вв.

В заключение отметим, что новый материал из Аралханы характеризует развитие культуры на Средней Амударье в целом и области Амуля в частности именно в такой сложный и во многом ещё неясный переходный период от древности к средневековью, когда происходят широкие изменения в политической, экономической, социальной и духовной сферах среднеазиатского общества.

Р. Хилленбранд
(Эдинбург)

К ВОПРОСУ О РАННЕИСЛАМСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИРАНА

В работе исследуется распространение подпружных арок (squinch-zone) в раннеисламской архитектуре Средней Азии и Ирана. Можно проследить начало этой идеи в структурных бессодержательных рельефах, которые очерчивают зону подпружных арок в Сарвистане, и в мелкой (и также неэффективной?) конусовидной вогнутости, которая выполняет функцию подпрудной арки во дворце в Фирюзабаде. В работе быстрое развитие подпружных арок в X и XI вв. связывается с началом использования обожженного кирпича в качестве строительного материала и рассматривается, как это одно изменение и его стандартные размеры сделали его проводником структурного и декоративного развития. Памятники Бухары, Сафид Буланда, Узгенда и Афрасиаба здесь особо важны. Генезис трехлопастной подпрудной арки прослеживается от Тима через промежуточные стадии в Йезде Рибат-и-Махи, Рибат-и-Шериф и среднеазиатских мавзолеях к кульминации в произведениях исфаханской школы конца XI - начала XII вв. Роль декоративного начала в подпрудной арке получает самостоятельное значение.

В заключении к работе определяется роль, которую играла зона подпружных арок в качестве самостоятельной единицы во внутреннем и внешнем убранстве пространств средневековых куполов иранского мира.

И. Диярбакирили
(Стамбул)

ЭВОЛЮЦИЯ СЕЛЬДЖУКСКИХ БАШЕННЫХ ГРОБНИЦ

В эпоху Великих Сельджуков появляется новый тип гробниц. Они встречены в основном в Иране и Турции и были построены по новой схеме. Гробницы представлены двумя типами - круглые в плане, с конической крышей и многоугольные, с пирамидальной крышей. Доклад посвящен возникновению и распространению таких гробниц. Вопросы вызывает и их точное назначение и использование, так как многие гробницы не содержали погребений. Неоднозначно также, где именно осуществлялись захоронения.

Д. Оррин Морган
(Оксфорд)

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ МЕРВА: ОПЫТ ПЕРЕОЦЕНКИ

Взятие Мерва монголами в феврале 1221 г. - драматический эпизод в восточном предприятии Чингиз-хана по завоеванию и опустошению империи хорезми-шаха Ала-ад-Дин-Мухаммада. Провинция Хорасан с ее четырьмя великими городами Мерва, Гератом, Балхом и Нишапуром досталась в подчинение сыну Чингиза Толую и это в результате повлекло особые бедствия для нее. Сведения наших источников проливают свет не только на весь ужас начала монгольского удара по исламскому миру, но также отражают и те проблемы, с которыми сталкивается историк при достаточно осторожном реконструировании этих событий.

К примеру, хотя ясно, что произошедшие людские потери были огромны, два наших основных источника Ибн ал-Асир и Дзувейни дают сильно различающиеся вычисления по количеству убитых (700 000 и 1 300 000 соответственно). В предлагаемой работе я собираюсь перепроверить эти сообщения и осознать гибель Мерва в контексте монгольского вторжения в целом.

МЕРВ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(Тезисы доклада)

Исследованиями Южно-Туркменистанской археологической экспедиции, проведенными еще в 50-60-е годы на территории средневекового Мерва, вопреки существовавшему мнению, попутно было установлено, что так называемый "монгольский период" не прошел для Мерва бесследно, более того, это время не было бесплодным и в части развития местной архитектуры. В архитектуре этого периода отмечаются стилистические взаимодействия местной и дальневосточной традиций. Следы обживания города в XIII-XIV вв. были обнаружены при раскопках в различных частях города: вдоль главной магистрали, идущей от ворот Аламдара к Кушмайханским, в дворцовом здании в Шахрияр-арке, в "богатом доме" в северо-западной четверти городища Султан-кала, а также в Северном обводе и западном пригороде средневекового Мерва.

В 1983 г. XIII отряд ЮТАКЭ приступил к выявлению и изучению словес XIII-XIV вв. на городище Султан-кала. Была проведена сплошная разведочная шурфовка территории средневекового города. В общей сложности было заложено 37 небольших шурфов и произведено около 50 зачисток, которые наглядно выявили участки обжитой и заброшенной частей города после монгольского завоевания. Подъемный археологический материал XIII-XIV вв. (в основном керамика с голубой, синей поливой с черным подглазурным орнаментом) встречен почти повсеместно, за исключением некоторых участков в юго-западной и юго-восточной четвертях городища.

Заметны существенные изменения в исторической топографии города. В северо-западной части юго-западной четверти городища образовалось кладбище на площади более 7 га. Севернее кладбища, частично охватывающего и южную часть северо-западной четверти городища, располагались керамисты со своими небольшими мастерскими и обжигательными печами. Здесь было раскопано несколько таких керамикообжигательных печей XIII-XIV вв. В самих печах и отвалах, расположенных неподалеку от печей, наряду с многочис-

ленными и разнообразными предметами печного припаса и сосудами на кольцевых поддонах, имеющими по голубому фону роспись марганцево-фиолетового и черного цветов, были встречены элементы изразцового архитектурного декора XIII-XIV вв. Для изготовления голубых изразцов использовались специальные плитки, которые до нанесения поливы подвергались специальной обработке - их вырезали острым инструментом по нужной форме, а затем после сушки поверхность их заглаживалась и покрывалась специальной грунтовкой. В одной из печей было обнаружено несколько десятков таких заготовок, среди которых был один фрагмент с остатками арабской надписи почерком насхи.

В южной части юго-восточной четверти городища, где имелись свободные от застроек площади, были раскопаны жилой дом, здание небольшой мечети-намазгах и монументальное однокомнатное сооружение, функционировавшие в XIII-XIV и отчасти в XV вв. В северо-восточной четверти города ближе к цитадели (Шахрияр-арк), а также по обе стороны главной магистрали, идущей с юга на север, проживала наиболее зажиточная часть горожан. Небольшой раскоп, заложенный в 250 м к северо-востоку от мавзолея султана Санджара, и в 15 м восточнее главной улицы, дал массу керамического материала XIII-XIV вв., среди которого фрагменты лустровой керамики, а также фрагмент донца сосуда типа минаа с прекрасно выполненным на ней изображением стоящих против друг друга лошадей. На цитадели функционировали восстановленный дворец правителя и мечеть. В шурфе, заложенном в одном из помещений дворцового здания, встречена дорогая керамическая утварь, как местная, так и привозная, а неподалеку от развалин мечети обнаружена резная трехцветная поливная плитка от торцовой части ступенчатого надгробия. В надписи, выполненной цветущим куфи, сохранилась дата 678 г.х. (1279/80 г. н.э.). Видимо, здесь же находился монетный двор Мерва, возобновивший свою деятельность со второй половины XIII в. На территории колхоза "Теза-ёл", в 12-15 км юго-восточнее Мерва, был обнаружен клад, состоящий из 4352 серебряных хулагуидских монет мервакского чекана, выпущенных до денежной реформы Махмуда Газанкана (1295-1304 гг.).

В Северной обводе Султан-калы интенсивно обживалась главная улица, идущая с юга на север. Заложенный здесь шурф дал двух-

метровый слой XIII-XIV вв. В северо-западной части обвода, на свободных от застроек площадях, располагались кирпичеобжигательные печи, возникшие в конце XIII - нач. XIV вв.

В квартале керамистов X - нач. XIII вв., расположенном в западном пригороде Мерва, с монгольским нашествием жизнь не прекратилась. Здесь было вскрыто несколько гончарных печей и отвалы бракованной продукции XIII-XIV вв.

Одним из районов средневекового Мерва, где вскоре после монгольских погромов начались строительные работы, была территория Разик-абада, расположенного юго-восточнее Султан-калы, на канале Разик.

Здесь, по приказу монгольского наместника Аргуна, в середине XIII в. был разбит большой сад, в котором было возведено здание буддийской кумирни. Остатки этого оригинального сооружения были раскопаны в 50 метрах от стены южного обвода, западнее ворот Сари-Маджан.

Таким образом, на основании археологических исследований начала вырисовываться реальная картина возрождения Мерва после монгольских погромов.

К.М.Байпаков
(Алма-Ата)

ПРОБЛЕМА СТЕПНЫХ ТРАДИЦИЙ
В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ
(по материалам Южного Казахстана и Семиречья)

Последние два десятилетия характеризуются масштабными археологическими исследованиями средневековых городищ крупной историко-культурной области Южного Казахстана и Семиречья. Наряду с поисками, картографированием, топо- и аэрофотосъемкой в сочетании с визуальными обследованиями проводятся стационарные раскопки городищ Отрара, Куйрук-тобе, Алтын-тобе, Кок-Мардана, Мардан-Куика в Отрарском оазисе; Костобе и Лугового в Таласской и Чуйской долинах; Талгара в Илийской долине.

Основываясь на результатах этих работ, удалось установить, что средневековая городская культура области прошла в своем развитии 4 этапа: раннесредневековый - VI - первая половина IX в., средневековый - вторая половина IX - начало XIII в.,

монголо-тимуридский - XIII - первая половина XV в.; позднесредневековый - вторая половина XV - начало XVII в.

Установлено также, что в возникновении и развитии городов области важную роль играли их связи со степью, на границе с которой располагались основные центры земледельческой и городской культуры. Влияние кочевников и полукочевников было различным как в отдельных районах Южного Казахстана и Семиречья, так и в каждом историческом периоде.

Об этом можно судить, исходя из сведений письменных источников, а также конкретного археологического материала.

В период раннего средневековья городская культура развивалась в двух районах области - Южном Казахстане (долина Сыр-Дарьи) и в Юго-западном Семиречьи (долины Таласа и Чу).

Формированию городов в это время способствовало сложение тюркских каганатов, обеспечивших политическую стабильность, а также перемещение сюда трассы Великого шелкового пути, к ставкам тюркских каганов.

На юге Казахстана и в Семиречьи в городах выделяются два культурных комплекса - согдийский и тюркский.

Согдийский культурный комплекс выделяется в архитектуре и строительстве (замки, цитадели, буддийские храмы); в интерьерах парадных помещений (росписи, резное дерево), в терракоте, в керамике, монетном деле и надписях.

Тюркский комплекс представлен предметами рыцарского вооружения (конская сбруя, наборные пояса), сосудами из серебра, керамикой так называемого "кангарского" типа, а также монетами и надписями.

Следует выделить еще один комплекс - кангыйский, отчетливо выраженный в рядовой жилой архитектуре и строительстве, а также в керамике. Иллюстрацией к степным традициям в городе служит горелая резная доска с изображением "оцены сватовства" из парадного зала Куйрук-тобе, а также парное тюркское захоронение с конем из городского некрополя городища Красная Речка, которое прямо перекликается с содержанием "брачного контракта" из документов с горы Муг.

В период развитого средневековья процессы, происходившие в политической, социальной, экономической и культурной жизни государств Караханидов, огузов, кимаков, кипчаков, способствовали интенсивному и широкому процессу оседания кочевников.

Это явление наряду с другими вызвало рост старых городов, возникновение новых городов и появление новых районов городской жизни. Таковым стал район Северо-восточного Семиречья (Илийская долина).

Степные традиции отчетливо прослеживаются в появлении городской типа "тортуль" во всем регионе, и особенно в Семиречье, в долинах Таласа, Чу, Или; в домостроительстве (появление новых типов домов на Сырдарье); в наличии при стационарных домах горожан урт, больших дворов с загонами для скота; в керамическом комплексе.

В XIII - первой половине XV в. в области происходит сокращение масштабов городской культуры. Она полностью исчезает в Семиречье, а в сырдарьинском районе она характеризуется появлением целого ряда инноваций в домостроительстве, в керамическом комплексе.

Степные традиции прослеживаются в первую очередь в керамике. Большая группа поливной керамики (красноангобированная с поливкой желтой, зеленой, розовой и т.д.), видимо, связана с кыпчаками.

С кыпчаками, скорее всего, связана такая же керамика и в городах Золотой Орды на Волге.

В период позднего средневековья в керамическом комплексе распространяется керамика с тамгами, хотя традиция наносить тамгообразные знаки на посуде в области относится еще к эпохе кангья. Есть мнение, что знаки на позднесредневековой керамике XVI-XVII вв. Отрара, Саурана, Туркестана могли быть тамгами живших в городах родовых подразделений казахов.

Интегрирующая роль города заключается в том, что он растворяет и нивелирует многие традиции степной культуры, которые приносят в город кочевники. Этот процесс протекает быстро и поэтому традиции степной культуры в городе удастся проследить в консервативных комплексах кухонной керамики, в украшениях. Труднее выделить их, опираясь на археологический материал в духовной культуре. Однако бесспорно, что роль степных племен в сложении городской культуры Южного Казахстана и Семиречья была значительной, а в ряде районов определяющей.

ТРАДИЦИИ КОЧЕВОГО БЫТА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДСКОМ ЖИЛИЩЕ ИЛИЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Илийская долина составляет северо-восточную ойкумену городских цивилизаций Средней Азии и Казахстана. Городская жизнь здесь складывается в конце VIII-IX вв., переживает расцвет в X-XII вв., а в конце XIII в. приходит в упадок.

Илийская долина издревле развивалась как район с преобладающим скотоводческим направлением хозяйства, которое однако уже с эпохи бронзы сочеталось с земледелием. Традиции оседлости и занятий земледелием по археологическим материалам прослеживаются у саков и усуней. У последних отмечено наличие поселений, стационарные постройки из камня и, видимо, дерева, примитивная ирригация.

В конце VIII - начале IX вв. отмечается появление поселений, ряд из которых превращается в города. Основой развития поселений и городов стали зимовки в низовьях горных рек, весенне-летняя пастбища и ставки тюркокой знати, расположившиеся в предгорьях у входов в ущелья, где они контролировали кочевые маршруты к богатым альпийским пастбищам.

Через Илийскую долину проходили ответвления Шелкового пути, которые стимулировали развитие городов. По археологическим источникам, в числе семи десятков городищ, относящихся к типу торткулей, выделяются наиболее крупные, которые достаточно уверенно отождествляются с городами письменных источников - Тальхизом, Иквогузом, Каялыком, Лабаном. Эти города возникли в кочевой и полукочевой среде. Раскопки Тальхира, расположенного на южной окраине современного города Талгара, в 25 км восточнее Алма-Аты, вскрыли 13 домов. Их планировка позволяет выделить реминисценцию кочевого быта жителей города. Это прежде всего наличие при стационарных домах больших, площадью до 300 кв.м дворов, где располагались постройки для скота - конюшни, загоны для мелкого рогатого скота, коровники.

Во дворах ряда домов располагались площадки для юрт.

Эти черты, как свидетельствуют этнографические материалы, характерны для кочевых и полукочевых племен, переходящих к оседлости.

ХШ-ХІУ ВЕКА В ИСТОРИИ МЕРВА И ЮГА ТУРКМЕНИИ

Мерв после сокрушительного разгрома монголами в 1221 г. не мог оправиться на протяжении почти 200 лет. Жизнь в городе замерла, это был период анабиоза, темные два века в истории ранее цветущего, выдающегося города древности и средневековья. Об этом периоде Мерва сведения в источниках отсутствуют. ХШ-ХІУ вв. — это время междоусобиц между наследниками Чингиз-хана и время становления державы Тимура. Все эти события непосредственно затрагивали Хорасан, который часто становился ареной военных действий, и Мерв — важный пункт на средневековых путях в Средней Азии.

Ярким памятником этого периода в истории Южной Туркмении является уникальное позднекочевническое погребение, открытое Г.Гутлиевым в 1979 г. на древнем поселении Гараой-депе около ж.д.ст. Душак. Погребение сопровождалось многочисленным инвентарем, включающим более 30 железных предметов. Среди них плоские наконечники отрезка типа В.ІХ, ХІ по Федорову-Давыдову, типичные для ХШ-ХІУ вв. Найдены также железный нож, кресало, пряжка с подвижным язычком, фигурные накладки на ремень и др. Наибольший интерес вызывает костяные обкладки на колчан. Они богато орнаментированы геометрическим, растительным и зооморфным узорами, специфическими для колчанов времени Золотой Орды. Это первая находка в равнинных районах Средней Азии. Она имеет прямые аналогии в колчанах из могильника Королевка около Джамбула, Тасмола и др. в Центральном Казахстане, но больше в материалах Южного Урала, Поволжья и Северо-Западного Причерноморья (Федоров-Давыдов, 1966; Малиновская, 1974; Иванов, Кригер, 1988). В погребении обнаружены позолоченные оверга в виде знака вопроса, характерная для кыпчаков ХШ-ХІУ вв. Данное погребение резко отличается от средневековых захоронений юга Туркмении (Поляков, 1973). Оно расширяет перечень известных позднекочевнических погребений Средней Азии (Заднепровский, 1975; Могильников, 1981), которые ныне зарегистрированы в 10 районах. Обряд захоронения (положение костяка, северная ориентация) и состав инвентаря позволяют датировать погребение Гараой-депе ХШ-ХІУ вв.

и связать с кыпчаками, составлявшими основную массу населения Золотой Орды.

Для того, чтобы понять как могло оказаться это захоронение в Южной Туркмении, обратимся к политической обстановке эпохи. На Хорасан совершали походы войска Чагатаидов в 1318-1320 гг. В 1322 г. поход возглавил хан Кепек, поддержанный Узбеком, ханом Золотой Орды. В 1335-36 гг. Золотая Орда выступила против государства Хулагидов, а в 1357 г. золотоордынский хан Джанибек подчинил Азербайджан и Хорасан (История СССР, 1957). Маршруты некоторых походов, несомненно, проходили через Марв, который нельзя было никак миновать.

Учитывая обстановку, весьма возможно, что воин, погребенный в Гараой-депе, был участником одного из таких золотоордынских походов на Хорасан. Во всяком случае, это погребение документирует крайние на территории Средней Азии пределы проникновения культуры и погребального обряда, свойственного населению Золотой Орды.

О. Экаев
(Ашхабад)

ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ХАДЖИМУХАММЕД-ХАНА (1558-1602 гг.)

Английский путешественник Энтони Дженкинсон считал Хаджимухаммед-хана королем туркмен. После смерти Али-султана на первый план в Хорезмском ханстве вышел Хаджимухаммед-хан. Действительно, последний мог опираться на туркмен. Согласно Абу-л-Гази, его отец Акатай-хан совершил поход против гекленов и захватил в плен дочь гекленского хана и взял ее себе в жены. От этого брака в 1524 г. родился Хаджимухаммед-хан. Согласно данным Муниса и Агехи, Хаджимухаммед-хан был умным, опытным, справедливым и набожным государем. Он был отважным и доблестным и благодаря этим качествам возвысился в благородстве и великодушии.

Абу-л-Гази считает, что дата воцарения в Ургенче Хаджимухаммед-хана - 1561/1562 год. Вилаеты Ургенча, Хазараспа, Кыта, Нисы и Абиверда принадлежали ему. Однако

хан часто грабил туркмен. В "Фирдаус-ал-икбале" отмечается, что каждый год в феврале месяце он походом шел на Астрабадскую провинцию. Его войска достигали сорока тысяч.

Единственным серьезным его противником в Южном Туркменистане был правитель Мерва Нурмухаммед-хан, который опирался в основном на туркмен. Хорезмские правители упрекали последнего будто бы он незаконнорожденный. Это давало им повод для того, чтобы унижить его и совершать постоянно набеги на Мервскую провинцию.

В 90-х годах XVI века почти всю территорию Туркменистана, кроме побережья Каспийского моря, захватывает Абдулла-хан (1588-1628 гг.). Хаджимухаммед-хан и Нурмухаммед-хан перешли к иранскому шаху Аббасу I (1587-1628 гг.). Лишь после смерти Абдулла-хана Хаджимухаммед-хану в 1598 г. удалось вернуть себе Хорезмское ханство. Несмотря на то, что в письменных источниках Хаджимухаммед-хан называется ханом туркмен, нет никаких других данных о том, что многочисленные туркменские племена имели свою государственность. Они нередко восставали против своих угнетателей, но их восстания носили стихийный и неорганизованный характер. В условиях господства патриархально-феодальных отношений этими восстаниями руководила аристократия туркменских племен, используя раздробленность народа в собственных целях.

О.В.Обельченко
(Москва)

МЕРВ XV - XIX вв.

Городища Старого Мерва, одного из крупнейших археологических памятников СССР, давно привлекают к себе внимание исследователей. Однако основное внимание уделялось городищам Гяуркала и Султан-кала, а городища Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-Хан-кала после работ В.А.Жуковского никем не изучались. Эти городища являются археологическим памятником Мерва XV-XIX вв. до постройки в конце XIX в. Мургабского государева имения, ныне город Байрам-Али.

Археолого-топографическое изучение городищ позднего Мерва, проведенное ИТАКЭ несколько десятков лет тому назад, в сопоставлении со сведениями письменных источников позволило наме-

тить основные вехи истории Мерва XV—XIX вв.

После разгрома Мерва монголами в начале XIII в. жизнь в нем стала восстанавливаться и в XIV в. вышла за пределы стен городища Султан-кала. Освоение новых площадей городом шло в южном направлении, вдоль магистрального канала Разик, а в начале XV в. началось строительство нового города — городища Абдуллахан-кала, к которому в середине XV в. было пристроено городище Байрам-Али-хан-кала, что было отмечено в стихах Алишера Навои.

Город имел систему прямых улиц, идущих параллельно стенам города и вливающихся одна в другую или пересекающихся под прямым углом. В городе была канализация и сложились архитектурные комплексы. Одним из таких комплексов были мечеть, хауз и медресе Хусравийе, построенные во второй половине XV в. Алишером Навои.

Но по сравнению с домонгольским Мервом, Мерв тимуридского времени и последующих эпох уже не играл прежней роли, а был провинциальным городом и центром оазиса в низовьях Мургаба.

Во второй половине XV в. Мерв расширяется, благоустраивается и продолжается переход жизни в стены нового города. Со времени вхождения Мерва в состав государства сефевидов, в начале XVI в., в истории города наступает новый период. Мерв подвергается нападениям узбекских отрядов, что мешало поддержанию торговых связей с Мавераннахром, а мировые торговые пути стали пролегать через Герат. Весь XVI в. насыщен постоянными набегами и захватами Мерва то одними, то другими правителями. И только с начала XVII в. для города наступает период относительного спокойствия, что характеризуется некоторым подъемом строительной деятельности, как в Иране, так и в Мавераннахре. В этот период ремонтируются городские укрепления Мерва.

Кризис, начавшийся в конце XVII — начале XVIII вв., охватил всю Среднюю Азию и Иран. Это был период анархии и феодальных междоусобиц.

Начавший борьбу за объединение Ирана Надир-шах в 1727 г. выселил мервцев в Мешхедскую область и город опустел. Вокруг него жили 100 семейств, занимаясь земледелием. Только в 1737 г., через 10 лет, Надир-шах послал мервских воинов на восстановление города. Вся вода и земля в Мерве Надир-шах сделал государственной собственностью. Мерв стал арсеналом для готовившегося похода Надир-шаха на Китай.

В 1747 г., после гибели Надир-шаха наступил период смут и разрухи. Мервом овладевают то афганцы, то бухарские правители.

В начале XIX в. Мерв опустел, а оазис был заселен текинцами и сарыками. Мерв временно подпадает под власть хивинских ханов, но все их попытки восстановить плотину и дать жизнь городу не увенчались успехом. В середине XIX в. городища используются, как крепости, туркменскими племенами, ведущими борьбу с хивинскими ханами. В результате этой борьбы туркмены покинули старинные крепости, а их руины превратились в археологические памятники.

А. Бердыев
(Ашхабад)

УТАСАЮЩИЙ ГОРОД: ПОСЛЕДНИЕ СТОЛЕТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕРВА

1. После монгольского погрома XIII в. до XX века ни один город на территории Южного Туркменистана не приобрел своего прежнего значения. Большинство крупных городов с развитой культурой и ремесленным производством превращаются в центры небольших сельскохозяйственных оазисов. Некогда столица сельджукского государства Мерв также к концу XV века почти полностью опустел и был заново отстроен по приказу Шахруха на слабо заселенных участках бывшего рабада средневекового города.

2. Новый город площадью около 44 га построен по плану, характерному для северо-хорезмийских городов тимуридского периода. Отличительными особенностями тимуридского Мерва являются квадратный план, главная магистраль, пересекающая город на две равные половины и перпендикулярные к ней поперечные улицы, выделение одной из четвертей города для правительственного комплекса, культовый ансамбль и т.д. Мерв XV века, хотя и был невелик по своим размерам, но был достаточно благоустроенным и имел все необходимые компоненты структуры городов своего времени. Под главной улицей города размещался тазар — канализационный сток для дождевых и талых вод. Грязные воды выводились за пределы города и сбрасывались в ров у северо-восточной стены городища. Во дворах жилых домов имелись особые сливные ямы или поглощающие колодцы в виде небольших, но глубоких подземных цистерн. В центре города находился культовый комплекс.

мечеть, медресе и обширный хауз. В северо-восточном углу городища располагалась цитадель, внутри которой размещались правительственный дворец, большой хауз, гостиница, хранилища и прочие строения. Около цитадели обнаружена баня с подпольным отоплением, раскопки которой дали интересные данные о культуре и быте городского населения Мерва периода позднего средневековья.

3. Социально-экономическая и политическая стабилизация Мерва в XVIII веке привела к росту городского населения и, видимо, при правлении местного правителя Байрам-Али-хана (80-е гг. XVIII в.) с западной стороны тимуридского города возникает второе городище, названное именем строителя крепости. По сведениям письменных источников, от западных ворот Байрам-Али-хан-калы шла прямая дорога к западным воротам Абдулла-хан-калы, вдоль которой размещались лавки из жженого кирпича, а в юго-восточной части городища находилась сводчатая баня. До проведения масштабных археологических работ говорить о каких-либо элементах застройки Байрам-Али-хан-калы трудно, так как все они разрушены еще в прошлом столетии. В настоящее время значительная часть территории городища занята современными постройками.

4. Имеющиеся материалы характеризуют позднесредневековый Мерв как городской центр с развитым ремесленным производством и торговлей. Обнаруженная при раскопках в большом количестве высококачественная кашинная посуда говорит о местном ее производстве. У западной стены цитадели обнаружены остатки железообрабатывающего производства. Найденное китайское бронзовое зеркало-талисман и многочисленные фрагменты фарфоровых чаш с китайскими марками свидетельствуют о торговых связях Мерва с соседними странами. При Байрам-Али-хане в Мерве функционировал монетный двор, выпускавший медные монеты местного образца.

5. После гибели Байрам-Али-хана в сражении с бухарским эмиром Шах-Мурадом политическая ситуация в Мерве осложняется. Борьба между Хивой и Бухарой за первенство в Мервском оазисе окончательно подрывает сельское хозяйство. К середине XIX века крепость Байрам-Али-хан-кала приходит в упадок и только в 1887 г., после проведения железной дороги, южнее развалин мервских городищ возникло Мургабское государево имение, из которого вырос город Байрам-Али.

СУЛТАН-БЕНД - ПЛОТИНА ЖИЗНИ

Плотина Султан-бєнд на Мургабе (Мухаммад Казим называет ее "Бєнд-и-Мубарек" или "Сер-и-Бєнд") имела жизненно важное значение для жителей г. Мерва. Знаток истории народов Средней Азии академик В.В.Бартольд отмечает, что существование его (г. Мерва) было тесно связано с существованием плотины, носящей теперь название Султан-бєнд ... Плотина впервые упоминается в X в. и несколько раз разрушалась то водой Мургаба, то руками завоевателей Мерва, желавших принудить город к сдаче лишением воды. Историки Мухаммад Казим и Мехди-хан Астрабади достаточно полно характеризуют положение местного населения, состояние ирригационных сооружений, приводят имена руководителей туркменских племен и другие подробности истории туркмен в первой половине XIII в.

Туркмены, находясь на стыке захватнических интересов соседних феодальных государств, не раз подвергались с их стороны грабительским набегам и карательным экспедициям. Туркменские племена вынуждены были вести борьбу то против шахского Ирана, то ханской Хивы и эмирской Бухары.

Туркменские племена не раз сталкивались с сефевидскими ставленниками в Мерве, Абиверде, Дуруне, Нисе и Астрабаде. Жестоко страдали от грабительских походов войск Надира.

Мухаммад Казим любил свой родной город - Мерв. Судьба его тесно связана с Мервом. Он тяжело переживал упадок родного города, в то же время он часто вспоминает об избитом своем крае.

Мухаммад Казим, который провел большую часть своей жизни в Мерве, прекрасно понимал значение плотины Султан-бєнд в жизни населения Мерва.

В результате междоусобных войн 20 гг. XIII в. Иран и Хорасан оказались в тяжелом положении. Особенно сильно пострадало сельское население, причем не только бедное крестьянство, но и часть землевладельцев. По словам Мухаммада Казима, Надир после захвата власти занялся благоустройством городов, областей, издавал приказы о восстановлении запущенных и необраба-

тываемых земель. По его приказу были предприняты меры по заселению опустевших земель Мерва, Меручака, Серахса и др. Однако надо отметить, что все это делалось не из сострадания к народным массам, а в интересах феодального государства, военно-стратегических его планов, в стремлении укрепить рубежи своего государства.

Переселенческая политика Надира, как отметили, преследовала цель — украсить границы государства и одновременно создать базы для подготовки завоевательных походов. Особенно заботился Надир о благоустройстве Мервской области.

Мухаммад Казим приводит наиболее ценные сведения о восстановлении Надиром плотины Султан-банд на Мургабе. Трижды по его приказу делалась попытка восстановить эту плотину. Однако все эти начинания, имевшие место примерно в 1730—1732 гг., кончились безрезультатно.

Надир, придавая огромное значение восстановлению Мервской области, хотел превратить ее в центр своих владений в Хорасане. С этой целью в конце 1733 г. он собрал в Хамадане совещание знати и государственных сановников. Обсудив вопрос о восстановлении Мервской плотины, после долгих споров решили отправить в Мерв брата Надира Ибрахим-хана.

После соответствующей подготовки Ибрахим-хан с 10 тыс. рабочих отправился для сооружения плотины на Мургабе, разрушенной им же шесть лет назад. Он прибыл в Мерв в декабре 1734 г., произвел огромные подготовительные работы, связанные с заготовкой инструментов, строительных материалов и т.д.

По данным Мухаммада Казима, на восстановительные работы ^{были} мобилизованы жители окрестности Мерва, которые собирали хворост, бревна, дрова и построили огромные новале (связка из прутьев, камыша для укрепления плотин). Ибрахим-хан приказал также своим сановникам отправиться в ближние области с целью сбора как можно больше коровьего молока, доставить к крепости и перемешивать его с известью, привезенной из Мешхеда.

Ибрахим-хан приложил максимум старания и усилий в строительстве плотины Султан-банд и, работая в течение сорока дней, соорудил плотину. Однако она не выдержала напора воды и результаты сорокадневного изнурительного труда в один миг были опесены водой. Спустя два-три дня снова продолжались восстановительные работы на плотине. На этот раз река была перекрыта.

Пришлось работать без отдыха в тяжелых условиях, и воды Мургаба были направлены в сторону Мерва, жители области стали заниматься земледелием.

Султан-банд была плотиной жизни для жителей Мерва. "Султан-банд - пункт, весьма тесно связанный с историей старого Мерва. Как только в истории появляется Мерв, с ним неразлучно подразумевается и плотина. История плотины есть история Мерва, история его процветания и упадка, богатства и обеднения" (В. А. Жуковский).

Ч. Языев
(Ашхабад)

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ БАЗАРЫ

Транзитная и местная торговля в центрах вдоль караванных дорог способствовала развитию в Южном Туркменистане в XIII-XIX вв. крупных базаров.

Через Мерв и Серахе, вплоть до XX века, проходила транзитная торговая дорога из Хивы и Бухары в Афганистан, Иран и Индию, Китай и обратно. Естественно, это сильно влияло на развитие международной торговли туркмен. Население покупало на базарах необходимые товары у проезжавших торговцев и продавало им продукты местного производства. Туркмены сопровождали караваны, несли охранную службу, поставляли верблюдов и другие виды транспортных средств, принимали активное участие в торговле. Накануне больших базарных дней торговцы договаривались между собой и составляли крупные караваны, нанимали стражу и отправлялись в Хиву, Бухару, Афганистан и Иран.

В XIII-XIX вв. в юго-восточном Туркменистане были оазисные и аульские базары. Славился здесь Мервский базар, куда собирались десятки тысяч человек, со всех концов Туркменистана и из соседних стран.

Оазисные базары устраивались в определенные дни. Например, базарными днями в Мерве, Пендинском и Серахском оазисах были воскресенье и четверг, в Иолотанском оазисе - понедельник и четверг, в Вахид-базаре (где жили текинцы подразделения тохтаман) - понедельник и пятница. Аульские базары устраивались обычно в крупных аулах один раз в неделю - четверг или пятницу.

Торговцы, в том числе и туркменские, привозили на базары из соседних стран хлопчатобумажные и шелковые ткани, чай, рис, сахар, краски, сухие фрукты, табак, порох, железную и керамическую посуду и другие товары.

Основными товарами внешней торговли туркмен были изделия местных мастеров, и прежде всего ковровщиц, ткачих, ювелиров, кожевников и т.д.

Туркменские ковры через Афганистан, Иран, Хиву и Бухару попадали в Россию и на западно-европейские рынки. Эти ковры ошибочно называли хивинскими, бухарскими и даже афганскими, иранскими.

В Персии и Хиве славились сарыкокпе шерстяные ткани - агар мата, изготавливаемые из высококачественной шерсти молодых верблюжат.

Местные базары стали центрами в течение многих веков и играли благородную роль по сближению многочисленных соседних народов и стран, способствовали развитию взаимовыгодной торговли, процессам взаимообогащения культур разных народов.

Н. Рахматов
(Ашхабад)

БОРЬБА ЗА МЕРВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В позднее средневековье большинство стран Востока превратились в колонии, либо полукolonии европейских держав. Туркмения, оставаясь "вольной", являлась ареной длительной конкурентной борьбы между соседними феодальными государствами. В XIX веке, особенно в середине века, в эту борьбу активно включились капиталистические державы Европы и Россия.

В середине XIX века у туркмен наблюдается, хотя и медленная, но поступательная тенденция к созданию собственной централизованной государственности. Оседание большинства населения в земледельческих оазисах, единые исторические корни туркменских племен, сплетение хозяйственно-бытовых и культурных их интересов, единые правовые основы туркменского общества, объединительные идеи, воспитанные призывами Махтумкули, наличие института ханов и межплеменных советов (генгеш, маслахат) обуславливали этот процесс. Настоятельно требовала объединения

туркменских племен и угроза, которая постоянно нависала
извне.

В рассматриваемое время имели место ряд выступлений туркменских племен против чужеземных захватчиков, порой с оружием в руках. Правители соседних государств в первой половине и к середине XIX в. неоднократно организовывали грабительские походы на различные районы Туркмении, в том числе и на Мервский оазис. Но почти всегда они завершались трагическим для организаторов похода исходом. Объединенные туркменские племена нанесли поражения войскам хивинского хана (в 1855 г. под Мервом), персидского шаха (в 1858 г. под Каракалой, в 1860 г. под Мервом).

К середине XIX в. на Среднем Востоке пересеклись интересы России и Англии. Укрепление позиций в Индии, проникновение в Афганистан сулило Великобритании выход к Каспийскому морю. Этого не могла допустить Россия, заинтересованная в развитии капиталистических отношений вширь. Огромный сырьевой потенциал Средней Азии, в т.ч. Туркмении, поиски путей связей с восточными странами привлекали русскую буржуазию.

Установление протектората над среднеазиатскими ханствами, присоединение других районов Средней Азии и туркменского побережья Каспия открыли путь в глубь территории Закаспия. Завоевание Ахала предreshало судьбу оставшейся части области. Победа российского оружия в Ахале "как громовой раскат передавалась по всему краю" и ставила Мервский оазис лицом к лицу с царской Россией.

На историческую арену отныне выходит Гюльджамал-хан^{ва} - вдова Нурберды (сначала Ахала, затем и Мервского оазиса) хана. Дальновидная дипломатия (переговоры ее с полковником Аляхановым), щедрые подарки из казны склонили Ханшу к прорусской ориентации. Не последним фактором в этом послужил "урок" Гюк-Тепе.

Благодаря активной деятельности Гюльджамал межплеменной совет Мерва - Гингеш выносит решение о присоединении к России без всякого сопротивления, за что она была неоднократно удостоена монарших милостей.

Активизируется и деятельность английской агентуры, не сумевшей помешать триумфу политики России в Ахале. В Мервском оазисе эта деятельность также не увенчалась успехом, но привела к русско-афганскому конфликту (Кушкинскому бою 1885 г.).

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МЕРВА
(источники архива хивинских ханов XIX века).

Важное значение для разработки истории Мервского оазиса в XIX веке имеют недостаточно изученные хивинские архивные документы, которые находятся в ЦГА Уз.ССР в городе Ташкенте (фонд I25).

Насколько нам известно, сто пятьдесят этих документов отражают историю племен Мервского оазиса в третьей четверти XIX века.

Документы написаны на турецких (более 130) и персидском (20) языках.

Тщательное изучение этих документов очень полезно для дальнейшей углубленной разработки истории Туркмении.

Эти документы (ариза, хат (письмо), донесения, прошения) написаны от племен Мервского оазиса к хивинскому хану и его сановникам, кроме того, властителям Ирана и Афганистана.

Принадлежность этих документов племенам Мервского оазиса определяется печатями, поставленными в нижней части бумаг или в большинстве случаев на обороте.

Хивинские документы рассказывают об истории Мервского оазиса, а именно: о внутриполитической обстановке, о торговле, земледелии, переселении различных туркменских племен в третьей четверти XIX века, междофеодальных раздорах и войнах. Можно получить интересные сведения о взаимоотношении между туркменскими племенами Мервского оазиса (таке, сарык, салыр).

В письмах отражается просьба туркменских племен о военной помощи при столкновении между отдельными племенами и в войне с иноземными завоевателями.

В документах часто встречаются имена влиятельных ханов, сердаров, аксакалов туркменских племен Мервского оазиса (Кошут-хана, Максуд-хана, Хак-назар-сердара, Кули-бека и др.), приводятся ценные сведения о занятиях животноводством и земледелием, борьбе за землю и воду.

В хивинских документах отражаются события внутренней жизни Хивы в периоды правления Мухаммед Эмин-хана (1846-1855 гг.), Саид Мухаммед-хана (1856-1864 гг.), Саид Мухаммед Рахмат-хана II (1864-1873 гг.).

Некоторые документы дают сведения о внутренней и внешней политике Ирана и Афганистана.

Новые хивинские архивные документы будут не только полезны для историков, изучающих историю Туркмении, но в том числе и для историков Средней Азии, Ирана и Афганистана.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Маассон В.М. Культурные центры и культурные взаимодействия	5
Бивар А.Д.Х. Земля Канаранг: Мерв между кушанами и сасанидами	7
Пугачанкова Г.А. Мерв эпохи Сельджукидов как центр восточнорасанской школы зодчества	8
Аннанепесов М. Европейские путешественники XIX в. о туркменах Мерва	10
Курбансахатов К. Древний Мерв: этапы познания	12
Крауфорд Х. Торговые связи в III тыс. до н.э. и раннегородские поселения Туркмении	14
Масимов И.С. Бассейн Мургаба в бронзовом веке	15
Удемурадов Б.Н. К вопросу о связях Туркменистана и Ирана в бронзовом веке	17
Кирчо Л.Б. Цилиндрические печати Средней Азии и Мергара — новая школа глиптики?	19
Пилипко В.Н. Язовская культурная общность (Сравнительный анализ локальных культур)	21
Картио Дж. Амударьинский клад: открытие и датировка	23
Курт А., Шарвин-Уайт С. Селевкиды и северо-восточный Иран в III в. до н.э.	24
Никоноров В.П. Битва при Каррах и парфянская тактика (к вопросу о степных элементах в военном деле парфян)	25
Губаев А., Кошеленко Г., Новиков С. Новые археологические исследования на севере Мервского оазиса	27
Картио В. Кочевническая одежда парфян: сохранение центральноазиатской традиции	28
Губаев А., Бадер А., Гаибов В. Новые материалы по парфянской сфрагистике (буллы) из Гёбеклы	29
Инвернищи А. Терракотовые элементы архитектурного декора в эллинизированной Азии	30
Губаев А. Округа Мерва в парфянский и сасанидский периоды (на примере Гёбеклы-депе)	31
Херрман Дж. Победы Шапура I на Востоке	33

Логинов С.Д., Никитин А.Б. Монетный двор Мерва при сасанидах	33
Симпсон Ст.Джон. Использование оердолика в Сасанидской империи: находки из Мерва, Месопотамии и Ирана	36
Завьялов В.А. Кушаншахр в конце III - середине V вв. Трансформация кушанской культуры под влиянием культуры Сасанидского Ирана	36
Никитин А.Б. Среднеперодские остраки из Южного Туркменистана	39
Харпер П. Центры производства "сасанидских" серебряных сосудов: значения региональных вариантов	41
Абдуллоев Д. Двор в структуре ородского жилища Средней Азии периода античности, раннего и развитого средневековья	42
Бурханов А.А. Арапкана - памятник раннесредневековой культуры в области Амуля	44
Хмленбранд Р. К вопросу о раннеисламской архитектуре Средней Азии и Ирана	46
Диярбекирли Н. Эволюция оельдуюкоких башенных гробниц	47
Морган Д.Оррин. Монгольское завоевание Мерва: опыт переоценки	47
Ходжаниязов Т. Мерв монгольского времени в свете археологических исследований	48
Байпаков К.М. Проблема степных традиций в культуре средневековых городов (по материалам Южного Казахстана и Семиречья)	50
Савельева Т.В. Традиции кочевого быта в средневековой городоком жилище Илийской долины	53
Заднепровский В.А., Гутляев Р. XIII-XIV века в истории Мерва и юга Туркменини	54
Экаев О. Данные по истории Туркменистана в годы правления Хаджимухамед-хана (1558-1602 гг.)	55
Обельченко О.В. Мерв XV-XIX вв.	56
Бердыев А. Угасающий город: последние столетия средневекового Мерва	58
Амантаев О. Султан-банд - плотина жизни	60
Ядыев Ч. Позднесредневековые базары	62
Рахимов Н. Борьба за Мерв во второй половине XIX века	63
Сапаров М. Материалы по истории Мерва (источники архива хивинских ханов XIX века)	65

**МЕРВ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ ВОСТОКА II:**

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СВЯЗИ

Тезисы
докладов научной конференции

Печатается по заказу
Южно-Туркменистанской археологической
комплексной экспедиции АН Туркменской ССР

Технический редактор М. Кемаева
Художественный редактор С. Ияберенов

НК

Подписано в печать 11.09.91. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага газетная. Печать плоская. Усл. печ.
л. 3,95. Усл. кр.-отт. 4,07. Уч.-изд. л. 4,18.
Тираж 330 экз. Изд. № 98. Заказ 3964.

Цена 1р. 50 к.
Заказное

Издательство «Ылым» АН ТССР,
744000, Ашхабад, ул. Энгельса, 6.
Типография АН ТССР. 744012, Ашхабад,
ул. Советских пограничников, 92а

70 к.